

9(с)
Т-31

Теплов П.
История
Якутского
протеста

СПБ

Библиографический
журнал
Гл.

№ п/п

№ п/п

Якут-

Курма

26.1911.

ПЕРЕГИ КНИГУ!

— Книга — лучший друг человека.

— Не перегибай книгу
во время чтения.

— Не загибай углов.

— Не делай надписей на книге.

— Не мусоль пальца
перелистывая книгу.

— Не рви и порче книги читатель
обязан уплатить ее стоимость.

К.И.Кришто-Вокн. 614 2017

Правление Библ.-Чит.

книги ее
тобы по-
зботиться
равности.
ращаться
дольше,
инку, би-

ее могли
ль непри-
ремя той

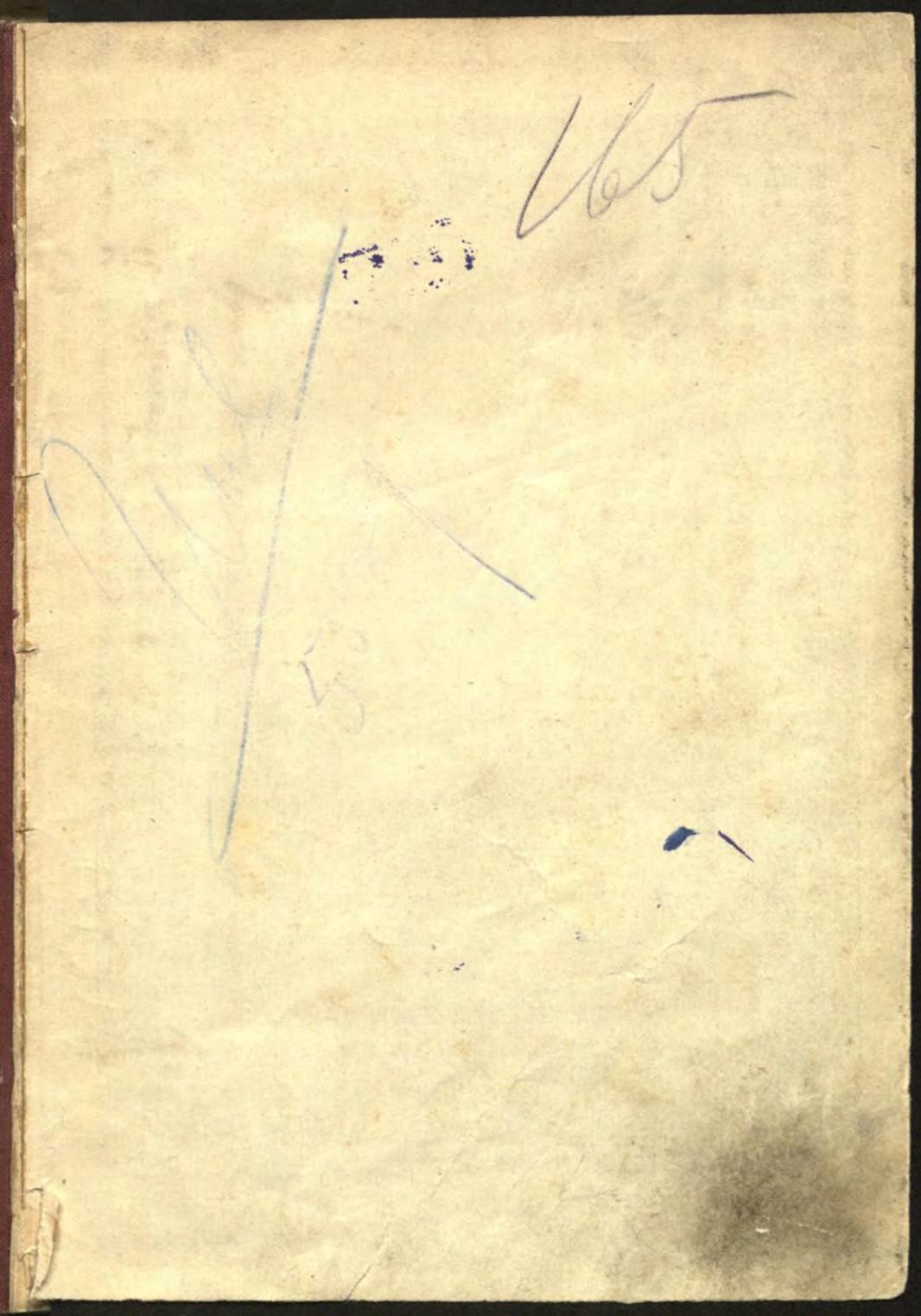
въ бума-
рязнился.
Если при-
ь какомъ
отъ это-

которой
ь въ кни-

эреплеть,

нать стра-
яшливый

ратся за
въ.

Группа ЯКУТСКАГО ПРОТЕСТА

18 апр. 1909 - 7 Мар.

8p

9(с)1
Т34
ПРОВЕРКА
1938 ГОДА

9(47)
Т34
П. ТЕПЛОВЪ.

8012

1941 г.

ИСТОРИЯ ЯКУТСКАГО ПРОТЕСТА.

(ДѢЛО „РОМАНОВЦЕВЪ“).

1950

Фонд краеведения

2007

1955

1996

2002г.

Читинская Окр. Центр. Библиотека
Отд. 9(47) Шифр Т34
Инвентар № 91013

ИЗДАНИЕ Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

78

K 912 + 9 (с 187)

T 34

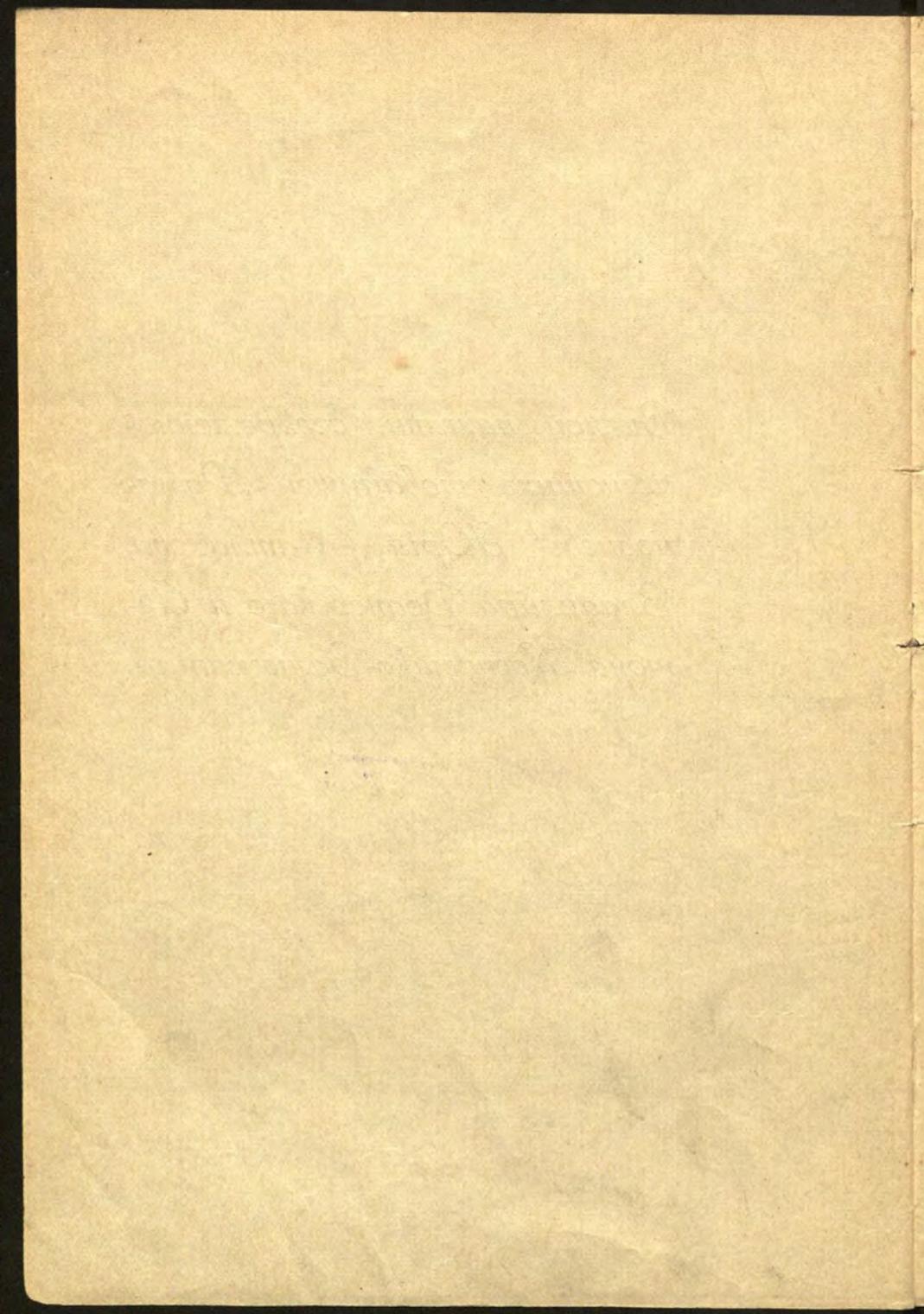
ЧИТЯНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

ФРК 77

2682
2012

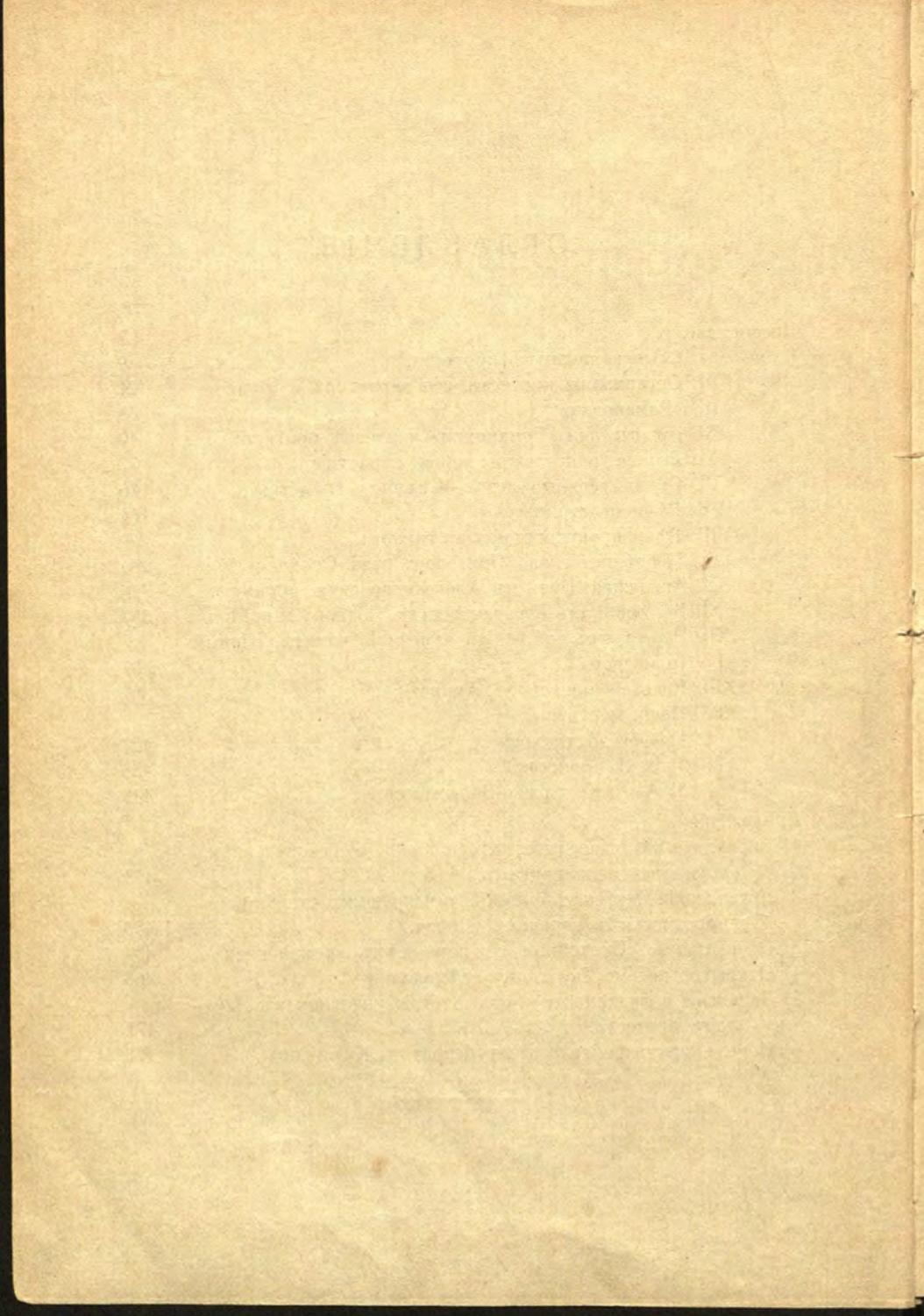
ФОНД I С — IX
КНИГ

Вѣчной памяти безвременно-
погибшихъ товарищей - „Рома-
новцевъ“ Юрія Матлахова,
Владимира Богневскаго и Ан-
тона Костюшко-Валужанина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	7
Глава I. Ссылка наканунѣ протеста.	9
» II. Организация протеста, его характеръ и цѣли. . .	24
» III. «Романовка»	33
» IV. Бурные дни «Романовки» и конецъ протеста. . .	49
» V. Тюрьма и предварительное слѣдствіе	77
» VI. Обвинительный актъ.—Судебное слѣдствіе . . .	116
» VII. Рѣчи подсудимыхъ	164
» VIII. Рѣчи прокурора и защитниковъ	220
» IX. Послѣднее слово. Приговоръ суда. Особое мнѣніе.	286
» X. Апелляція. Путь въ Александровскую тюрьму . .	326
» XI. Въ тюрьмахъ Александровска. Подкопъ и побѣгъ .	357
» XII. Пересмотръ дѣла въ судебной палатѣ. Новый приговоръ	367
» XIII. Кассация приговора. Амнистія	397
» XIV. Наши мертвецы:	
1) Юрій Матлаховъ	427
2) В. П. Бодневскій.	433
3) А. А. Костюшко-Валужаничъ	443
Приложенія:	
1) Циркуляръ Якутскаго губернатора полицеймейстеру и всѣмъ окружнымъ исправникамъ области	453
2) Предписаніе Якутскаго окружнаго исправника старшинамъ, инородческимъ управамъ и проч.	453
3) Офиціальныя «Статейныя списки» всѣхъ «романовцевъ».	454
4) Открытое письмо Якутскому губернатору	468
5) Заявленіе солидарности и привѣтствія участникамъ Якут- скаго протеста.	471
6) Новые циркуляры генераль-губернатора Кутайсова	478

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Россіи еще царила предразсвѣтная тьма... Японцы дали намъ только первый урокъ на морѣ, по улицамъ городовъ шествовали «патріотическія» манифестаціи, а на страницахъ газетъ еще громко звучалъ шовинистическій тонъ. Фонъ-Плеве безмятежно душилъ еще лучшія проявленія общественной жизни, переполнялъ тюрьмы и наводнялъ ссылку «государственными преступниками», когда въ отдаленномъ углу сѣверо-восточной Сибири, въ глухомъ Якутскѣ, группа политическихъ ссыльныхъ рѣшила возвысить голосъ протеста, съ оружіемъ въ рукахъ выступить на защиту человѣческаго достоинства революціонеровъ, нагло попираемаго господствующимъ режимомъ.

И слабый голосъ якутскихъ протестантовъ, какъ первая ласточка пробуждающейся весны, долетѣлъ на родину и даже за предѣлы Россіи. Этому не помѣшала многотысячная даль, этому способствовала гробовая тишина предъ бурей.

Съ тѣхъ поръ минуло два года—столѣтія. Надъ Россіей пронесся ураганъ революціи, вѣковые устои произвола и гнета потрясены до основанія, но еще не рухнули окончательно. Наша многострадальная родина пережила великія событія, рѣдко повторяющіяся въ исторіи народа, она стала неузнаваемой, духовно-обновленной.

Но мрачныя силы отжившей свой вѣкъ, крѣпостнической Россіи все еще господствуютъ надъ страной. Въ борьбѣ за охрану своихъ привилегій враги трудящагося народа залили Россію кровью, устлали ее трупами.

Былъ моментъ, когда могло казаться, что позоръ административнаго произвола смытъ навсегда, что запираніе въ тюрьмы и ссылка «охраннымъ порядкомъ» уже отошли въ область преданій. Но временно торжествующая реакція еще усилила административный произволъ военной диктатурой, а положеніе усиленной охраны замѣнила для громадной части Россіи военнымъ положеніемъ и охраной чрезвычайной.

И снова тысячи, десятки тысячъ борцовъ за лучшее будущее, угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ въ небывалой еще степени, переполняютъ всѣ россійскія тюрьмы и полицейскіе участки, наводняютъ опустѣвшую было Сибирь. «Торжество побѣдителей» вызываетъ усиленные издѣвательства надъ плѣнными, новыя репрессіи въ отношеніи къ политическимъ заключеннымъ и ссыльнымъ, поруганія ихъ чловѣческаго достоинства.

Не даромъ массовыя голодовки политическихъ заключенныхъ не прекращаются въ россійскихъ тюрьмахъ. Изъ рядовъ политическихъ каторжанъ слышатся вопли отчаянія и крики негодованія подъ вліяніемъ ужасовъ примѣняемаго къ нимъ теперь обще-уголовнаго режима. А если наводненіе отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири и Якутской области, если репрессіи въ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ не прекратятся очень скоро, то мы, навѣрное, будемъ свидѣтелями новаго отчаяннаго протеста военно-плѣнныхъ революціонеровъ на дальнемъ сѣверо-востокѣ Сибири—въ Якутскѣ, Верхоянскѣ и Колымскѣ. При такихъ условіяхъ исторія Якутскаго протеста 1904 года пріобрѣтаетъ злободневный интересъ. Она раскрываетъ какъ невыносимыя условія жизни политическихъ ссыльныхъ въ Якутской области, такъ и царящій въ отношеніи къ нимъ административный произволъ. Она является лучшимъ доказательствомъ необходимости, какъ можно скорѣе, немедля смытъ съ чела Россіи, возродившейся къ новой жизни, позорное клеймо административной ссылки.

8012

~~4259~~

I.

Ссылка наканунѣ протеста ¹⁾.

Въ стремленіи «задушить гидру революціи» наше самодержавное правительство употребляетъ два главныхъ средства: грубую силу и коварство, традиціонные «волчій ротъ» и «лисій хвостъ». Новѣйшими олицетвореніями этихъ двухъ системъ «искорененія крамолы» являются Плеве и Зубатовъ. «Плевизмъ» въ исторіи русскаго освободительнаго движенія будетъ отмѣченъ новыми висѣлицами, возстановленіемъ каторги, арестантскихъ ротъ и вѣчнаго поселенія для враговъ существующаго порядка, звѣрскими истязаніями «бунтовщиковъ»—крестьянъ и рабочихъ, массовыми сѣченіями политическихъ демонстрантовъ и жестокими избіеніями заключенныхъ въ тюрьмахъ революціонеровъ.

«Зубатовщина», понимаемая въ широкомъ общественномъ смыслѣ ²⁾, является правительственной системой политическаго развращенія безсознательныхъ массъ рабочихъ и крестьянъ, а также политически мало сознатель-

¹⁾ Мы оставляемъ безъ измѣненія это введеніе, написанное еще въ Якутской тюрьмѣ, до суда, въ мартѣ 1904 года.

²⁾ И до Зубатова были носители той-же системы. Назовемъ хотябы Судейкина или либеральствовавшего героя «диктатуры сердца»—Лорисъ-Меликова.

ной, неустойчивой въ своихъ убѣжденіяхъ части интеллигенціи. Она проявляется въ самыхъ различныхъ формахъ. На ряду съ попытками «легализаціи» рабочаго движенія, жандармско-полицейскаго социализма дѣятелей зубатовской школы: Васильевыхъ, Сазоновыхъ, Фриче и Треповыхъ, мы съ грустью наблюдали постыдныя сдѣлки кое-кого изъ арестованныхъ «политиковъ» съ Зубатовымъ и его агентами, при чемъ эти лже-революціонеры, цѣною измѣны рабочему дѣлу, покупали себѣ возможность легальнаго «дѣланія революціи» съ разрѣшенія подлежащаго начальства.

Эти зубатовскіе приемы облагодѣшательства и политическаго развращенія практиковались не только въ Россіи, но и въ далекой Сибири. До перехода къ «новому курсу», выдвинувшему на политическую арену Россіи гг. фонъ-Плеве, фонъ-Валя и ихъ ставленника—военнаго генераль-губернатора Восточной Сибири—графа Кутайсова, такая политика находила себѣ умѣлыхъ исполнителей въ Сибири, гдѣ въ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ господствовалъ такъ называемый «либеральный» режимъ.

Въ пути, по Сибирской желѣзной дорогѣ, по этапамъ и на Ленѣ, политическимъ ссыльнымъ безпрепятственно дозволялось видѣться съ товарищами изъ мѣстныхъ колоній ссыльныхъ «государственныхъ»; на мѣстахъ водворенія ихъ оставляли въ покоѣ отъ навязчивыхъ формъ шпіонства, ежедневныхъ визитовъ «политическихъ надзирателей», требованія росписокъ и т. д.

Многимъ изъ политическихъ ссыльныхъ разрѣшалось офиціально избирать мѣстомъ водворенія даже Иркутскъ и Красноярскъ, не говоря уже о Якутскѣ. Еще большее число товарищей, будучи назначено по улусамъ, фактически жили мѣсяцами и даже годами въ городахъ, имѣли тамъ постоянный заработокъ, на что мѣстныя власти смотрѣли сквозь пальцы.

Въ 1900 году по иниціативѣ олекминскихъ товарищей, подавшихъ жалобу въ Сенатъ, политическіе ссыльные Сибири добились отмѣны вопіющаго беззаконія: полицейскаго контроля и чтенія корреспонденціи всѣхъ находящихся подъ гласнымъ надзоромъ.

Въ 1901 году, рѣшеніемъ суда по дѣлу о самовольной отлучкѣ политическаго ссыльнаго въ Енисейской губерніи, были дозволены отлучки, безъ особаго разрѣшенія, въ предѣлахъ громаднѣхъ участковъ земскихъ засѣдателей.

На отлучки изъ улусовъ въ города разрѣшенія давались безпрепятственно по всякимъ поводамъ, а за самовольныя отлучки, въ большинствѣ случаевъ, никакихъ преслѣдованій не возбуждалось, и лишь изрѣдка виновныхъ тянули къ мировому судѣ, который, руководствуясь положеніемъ о гласномъ надзорѣ, присуждалъ къ денежному штрафу въ 1—5 рублей или аресту на пару дней. Особенно широко практиковались всѣ эти «вольности» за 11 лѣтъ губернаторства Скрипицына, посланнаго умиротворить политическую ссылку, возмущенную звѣрствами якутской бойни 1889 года и послѣдовавшаго за ней военно-окружнаго суда.

И надо признать, что либеральствующій помпадуръ выполнилъ свою миссію съ успѣхомъ. Онъ не только успокоилъ волненіе политической ссылки Якутской области, но ему и его не менѣе «либеральнымъ» клеветамъ въ родѣ исправника Кочаровскаго, полицеймейстера Зуева, совѣтника Попова и др., удалось въ значительной степени усыпить многихъ «политиковъ», примирить ихъ съ мягкимъ скрипицынскимъ режимомъ, приучить чувствовать себя въ ссылкѣ почти какъ дома, инвалидами на покоѣ.

Скрипицынъ добился у правительства разрѣшенія на занятіе политическими ссыльными мѣстъ врачей, фельдшеровъ, завѣдывающихъ якутскимъ музеемъ, статистиковъ, архитекторовъ и т. д.

Этой политикѣ содѣйствовалъ тогда и иркутскій генералъ-губернаторъ Горемыкинъ, который заявлялъ, что политическіе ссыльные представляютъ элементъ, опасный въ Россіи, но чрезвычайно полезный для Восточной Сибири. Въ началѣ 1903 года, по инициативѣ Скрипицына, министерскимъ циркуляромъ была легализирована и педагогическая дѣятельность политическихъ ссыльныхъ Якутской области—репетиторство и домашнее обученіе. Всѣ предпріятыя за время губернаторства Скрипицына научныя экспедиціи и

командировки были организованы при участии значительного количества политических ссыльных.

Этому «либералу» зубатовского пошиба удалось достигнуть большего: своим либеральничаньем онъ успѣлъ привлечь нѣсколькихъ ссыльныхъ даже къ прямому сотрудничеству въ его «реформаторской» дѣятельности, направленной къ «упорядоченію» земельныхъ отношеній мѣстнаго инородческаго населенія—якутовъ и тунгусовъ—съ чисто фискальными цѣлями. Эти «прирученные» экземпляры изъ бывшихъ ссыльныхъ ратовали за усиленіе административно-полицейскаго произвола въ дѣлахъ якутскаго землевладѣнія, воскурjali въ своихъ «трудахъ» и журнальныхъ статьяхъ густые фиміамы просвѣщенному администратору и благодѣтелю края Скрипицыну, внесшему свѣтъ и культуру въ Якутскую область, и т. д.

Такъ, путемъ либеральныхъ заигрываній и поблажекъ, Скрипицыну удалось не только замѣтно умиротворить политическую ссылку, понизить революціонность ея настроенія, но и вполне «приручить» нѣкоторую, къ счастью ничтожную, часть бывшихъ «политиковъ». Этому въ громадной степени содѣйствовало полное затишье революціоннаго движенія на родинѣ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ.

Въ ссылкѣ водворилась мертвечина, отсутствіе живого интереса къ революціонной борьбѣ въ самой Россіи. Новыхъ ссыльныхъ присылали рѣдко. Связи порвались, нелегальная литература почти не доходила, да и слабо заботились о ея полученіи; взаимодѣйствіе между «волей» и ссылкой прекратилось, побѣги являлись рѣдкими, единичными исключениями, не замѣчалось и слѣда протестующаго, боевого настроенія.

Но вотъ могучая волна быстро развивающагося съ половины 90-хъ годовъ, рабочаго соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи къ началу XX-го вѣка докатилась и до Восточной Сибири.

Политическая ссылка начала быстро измѣнять свою физиономію какъ идейно, такъ и въ отношеніи личнаго состава. Тѣ «старожилы», которые чувствовали себя на положеніи инвалидовъ, все больше затирались и отступали

на задній планъ ссыльной жизни подъ напоромъ все новыхъ и новыхъ отрядовъ только-что выбитыхъ изъ строя борцовъ за рабочее дѣло.

Ссылные революціонеры новѣйшей формации внесли свѣжую струю въ затхлую атмосферу сибирской ссылки. Они прїѣзжали съ хорошими связями въ Россіи и за-границей, не переставая съ захватывающимъ интересомъ слѣдить за ходомъ борьбы на родинѣ. Они ѣхали въ Сибирь не почить на лаврахъ, не въ отставку, на покой, а въ кратковременный отпускъ изъ рядовъ дѣйствующей арміи, лишь чтобы передохнуть немного и привести въ порядокъ свой теоретическій багажъ, пополнить свое идейное оружіе для новой борьбы.

Между ссылными и дѣйствующими въ Россіи товарищами развивались живыя связи, непрерывный обмѣнъ мнѣній и взаимное сотрудничество на пользу общаго дѣла.

Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи восточно-сибирской ссылки, особенно якутской, можно считать 1900-й годъ. Къ этому времени составъ большинства сибирскихъ колоній радикально измѣнился; растущее идейное общеніе ссылки и «воли» проявлялось уже очень замѣтно, вопросы организации побѣговъ и нелегальной дѣятельности вернувшихся въ Россію ссылныхъ стали злобами дня.

Къ этому-же времени относится и первая обратная волна изъ ссылки въ Россію отбывшихъ срокъ наказанія социаль-демократовъ, что въ свою очередь способствовало дальнѣйшему укрѣпленію связей и взаимопомощи революціонныхъ дѣятелей Россіи и сибирской ссылки.

Волна «обратниковъ» значительно усиливалась все возрастающимъ количествомъ бѣжавшихъ изъ ссылки революціонеровъ. Начавшись единичными попытками, бѣгства пріобрѣли массовый характеръ въ 1901—1903 годахъ.

Возвращеніе бѣжавшихъ изъ Сибири военноплѣнныхъ въ ряды борцовъ за торжество социализма сильно возросло.

Жажда практической дѣятельности остающихся въ ссылкѣ товарищей получала нѣкоторое удовлетвореніе участіемъ ихъ въ созданіи рабочихъ социаль-демократическихъ организаций на мѣстахъ водворенія. Но это было доступно

лишь для товарищей, оставленныхъ въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и т. п. мѣстахъ. Повышенная революціонность настроенія ссыльныхъ, ихъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ и агитаціи среди мѣстнаго населенія, наконецъ, массовые побѣги вызвали сильное обостреніе отношеній между начальствомъ и политическими ссыльными.

Сибирскія власти, а затѣмъ и центральное правительство реагировали на это репрессивными мѣрами.

Предвѣстникомъ этихъ мѣръ явилось усиленное распеканіе губернаторовъ, исправниковъ и засѣдателей, подвѣдомственныхъ иркутскому генераль-губернатору, за попустительство и слабый надзоръ въ отношеніи къ политическимъ ссыльнымъ.

Затѣмъ начались, прежде въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, усиленіе тайнаго и явнаго шпионства за ссыльными, увеличеніе числа «политическихъ» надзирателей, ихъ надоѣдливые визиты по нѣскольку разъ въ день, требованіе расписываться каждый день и т. п.

Возобновилась незаконная практика отдачи всей корреспонденціи политическихъ ссыльныхъ подъ явный контроль полиціи. Начавъ съ вольнослѣдующихъ товарищей въ Енисейской губерніи, стали лишать и безъ того ничтожнаго казеннаго пособія. Цѣлый рядъ возмутительныхъ придирокъ, стѣсненій и грубыхъ насилій былъ пущенъ въ ходъ мѣстными полицейскими властями для прекращенія самовольныхъ отлучекъ и побѣговъ. Урядники и сотскіе хватили, «тащили и не пуцали» самовольно отлучившихся за околицу села или на охоту въ окрестный лѣсъ.

Не достигая цѣли, всѣ эти бессмысленныя мѣры и насилія только возмущали политическихъ ссыльныхъ, дѣлали ихъ жизнь еще болѣе несносной.

Наконецъ, съ того времени, какъ во главѣ внутренней политики Россіи сталъ фонъ-Плеве, отдѣльныя репрессіи были возведены въ систему, матеріаломъ чему послужили донесенія фонъ-Валя, спеціально командированнаго въ Сибирь для ознакомленія съ «вольностями» политическихъ ссыльныхъ. Самъ военный генераль-губернаторъ Восточной Сибири Пантелѣевъ, бывший шефъ жандармовъ, оказался

заподозрѣннымъ, если не въ симпатіи къ политическимъ ссыльнымъ, то въ «попустительствѣ» и былъ удаленъ съ должности. Но предъ уходомъ этотъ «попуститель» уже издалъ первый репрессивный циркуляръ—о запрещеніи возвращать въ Россію на казенный счетъ отбывшихъ срокъ гласнаго надзора въ Сибири политическихъ ссыльныхъ. Этотъ циркуляръ грубо нарушалъ статью 40-ю Положенія о гласномъ надзорѣ, согласно которой политическіе ссыльные, отбывшіе свой срокъ, «въ случаѣ неимѣнія средствъ для отъѣзда имѣютъ право на пособіе отъ казны».

Орудіемъ для примѣненія къ жизни сибирской политической ссылки варварской системы «плевизма» въ цѣломъ былъ избранъ графъ Кутайсовъ. Его назначили вмѣсто Пантелѣева, одновременно съ которымъ удалили всѣхъ подчиненныхъ ему губернаторовъ и вице-губернаторовъ Восточной Сибири. Посылая въ Сибирь новыхъ сатраповъ и помпадуровъ типа Енисейскаго губернатора Айгустова, Плеве давалъ имъ свой политическій завѣтъ: «всякое превышеніе власти покую, а послабленій не потерплю».

И вотъ графъ Кутайсовъ «съ мѣста въ карьерѣ» начинаетъ борьбу съ «распущенностью» политической ссылки въ духѣ своего патрона: издаетъ рядъ тайныхъ и явныхъ циркуляровъ, долженствующихъ подтянуть ссылку, грубо нарушающихъ не только человѣческое достоинство и неотъемлемыя права личности, но даже изданные самимъ правительствомъ законы о ссыльныхъ.

Еще изъ оконъ вагона сибирскаго поѣзда графъ Кутайсовъ, благодаря внушеніямъ Плеве, замѣтилъ недозволенные «вольности» поднадзорныхъ. И тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Иркутскъ онъ приказываетъ своей канцеляріи разослать всѣмъ губернаторамъ Восточной Сибири тайный циркуляръ отъ 16-го августа 1903 г. за № 942, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Во время поѣзда Его Сіятельства въ г. Иркутскъ имъ замѣчено, что за слѣдующими на мѣста высылки административно-ссылными существуетъ весьма слабый надзоръ, что даетъ имъ полную возможность сношеній съ высланными ранѣ лицами; узнавъ о поѣздѣ вновь высланныхъ,

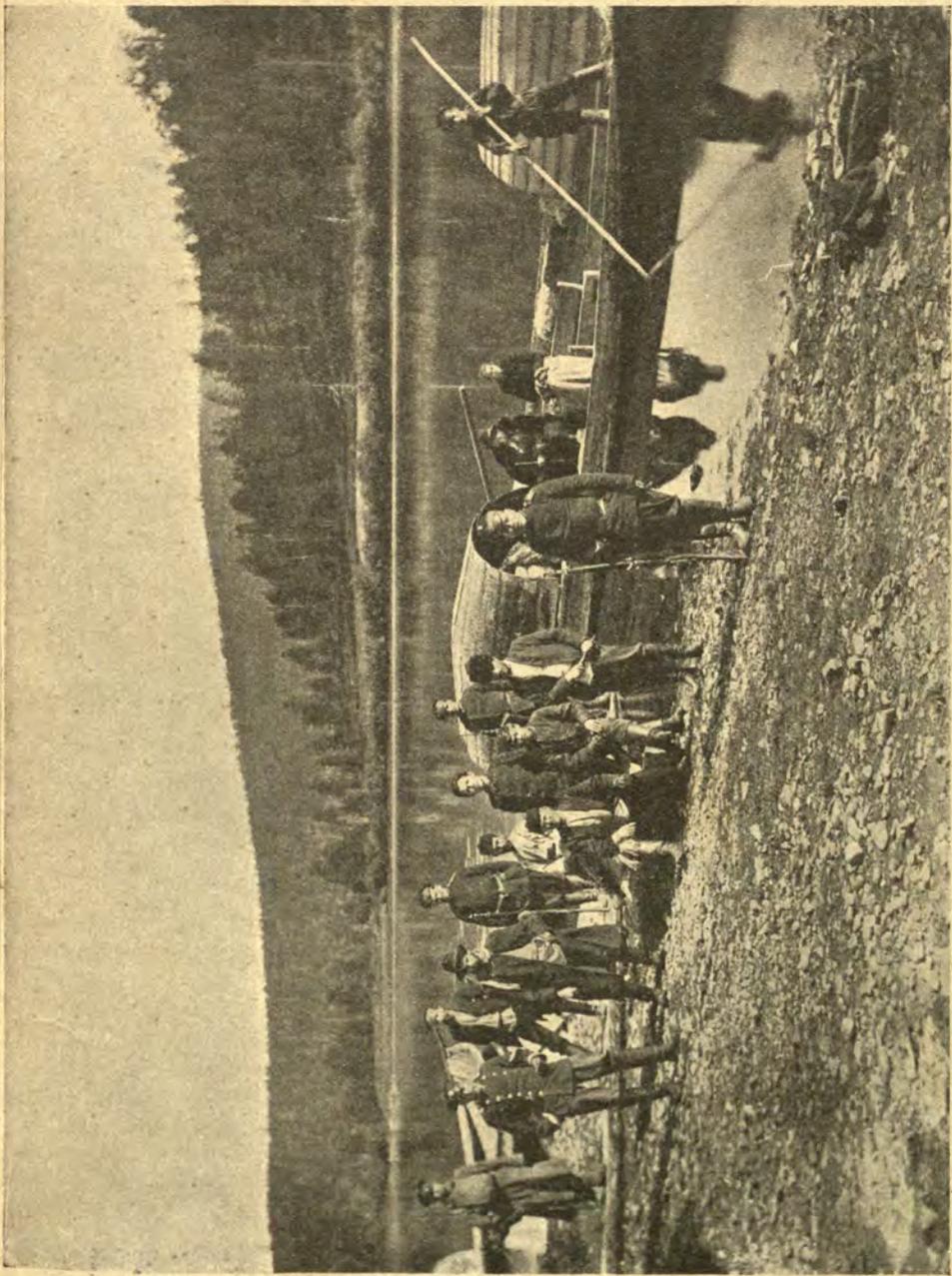
являются на мѣста остановокъ, получаютъ и передаютъ корреспонденцію и деньги и вообще входятъ съ ними въ совершенно нежелательныя сношенія.

Въ виду сего господинъ Главный Начальникъ края предлагаетъ сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія, чтобы о тѣхъ административно-ссылныхъ, которые будутъ изобличены въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ вновь высылаемыми поднадзорными, немедленно было доносимо Его Сіятству для перевода ихъ на водвореніе въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской области, о чемъ поставить въ извѣстность всѣхъ поднадзорныхъ»...

Предписаніемъ отъ 20-го августа 1903 года всѣмъ губернаторамъ Вост. Сибири за № 1028-мъ графъ Кутайсовъ, распорядился, чтобы о всѣхъ случаяхъ самовольныхъ отлучекъ политическихъ ссылныхъ изъ назначенныхъ имъ мѣстъ водворенія немедленно было доносимо Его Сіятельству для перевода виновныхъ въ отдаленнѣйшія мѣстности Якутской области.

На этомъ основаніи губернаторы разослали строжайшіе циркуляры своимъ полицеймейстерамъ и всѣмъ окружнымъ исправникамъ (См. приложение I), а тѣ, въ свою очередь, «строгія предписанія» старшинамъ, инородческимъ управамъ и пр. (См. приложение II). Наконецъ, въ сентябрѣ 1903 г., «совершенно секретно» и «циркулярно» было разослано слѣдующее «предписаніе Его Сіятельства г. Иркутскаго военнаго Генераль-Губернатора» подвѣдомственнымъ ему губернаторамъ:

«Изъ достовѣрныхъ доношеній по надзору за политическими ссылными, сосланными на поселеніе и подъ гласный надзоръ, усматриваю, что частые побѣги и самовольныя отлучки изъ Сибири ссылныхъ являются послѣдствіемъ слабаго за ними надзора; независимо отъ этого, наблюденіе за ссылными ограничивается бумажной отпиской, между тѣмъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ и основываясь на отношеніяхъ Департамента Полиціи 1 августа № 7201 и 14 сентября 1903 г. № 8205, видно, что ссылные по политическимъ дѣламъ входятъ въ непосредственныя сношенія съ организаціонными рабочими комитета революціоннаго союза

51016

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
51016

и принимаютъ активное участіе въ дѣлахъ преступной дѣятельности означенныхъ комитетовъ въ Сибири; такимъ образомъ, ссылка означенныхъ лицъ въ Сибирь не достигаетъ своей цѣли, благодаря тому, что чины полиціи ввѣреннаго мнѣ края относятся весьма поверхностно къ обязанностямъ по наблюденію за означенными выше лицами. Особенная слабость надзора выразилась въ Минусинскомъ и Ачинскомъ уѣздахъ Енисейской губерніи, гдѣ въ послѣднее время, кромѣ постоянныхъ побѣговъ и самовольныхъ отлучекъ, установлено цѣлымъ рядомъ фактовъ, что ссыльные Краси-ковъ, д-ръ Хейсинъ, Покровскій, Архангельскій и другіе имѣли непосредственныя сношенія съ рабочими кружками.

Давая знать объ этомъ, предлагаю всѣмъ чинамъ наруж-ной полиціи ввѣреннаго мнѣ края, въ цѣляхъ пресѣченія преступной дѣятельности ссыльныхъ по политическимъ дѣ-ламъ, имѣть неослабное наблюденіе за личной жизнью каждаго изъ названныхъ лицъ, для чего въ мѣстахъ, гдѣ водворены эти лица, учреждаются полицейскіе надзоры, ко-торые ежедневно должны доставлять свѣдѣнія о полити-ческихъ ссыльныхъ по прилагаемой формѣ. При этомъ вмѣняю въ обязанность подлежащимъ чинамъ полиціи свѣ-дѣнія эти лично провѣрять. Независимо отъ сего у поли-тическихъ ссыльныхъ, по своему образу жизни и другимъ даннымъ, наводящимъ на предположенія о дѣятельности и сношеніи съ преступнымъ кружкомъ, слѣдуетъ производить внезапные обыски, при участіи одного изъ лицъ корпуса жандармовъ.

При этомъ обыски должны быть произведены по поста-новленію исправника съ указаніемъ причинъ и основаній обысковъ; квартиры, занимаемая ссыльными, должны быть посѣщаемы возможно чаще чинами полиціи.

Вся переписка ссыльныхъ по политическимъ дѣламъ должна быть безусловно просматриваема исправникомъ или его помощникомъ. Пребываніе лицъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи въ квартирахъ ссыльныхъ вос-прещается. При этомъ считаю нужнымъ предупредить чи-новъ наружной полиціи ввѣреннаго мнѣ края, что замѣ-ченные въ слабомъ надзорѣ за политическими ссыльными

77

Фонд родных
книг

Читинская Окр. Центр. Библиотека
Отд. _____ Шифр. 91013
Инвентар № _____

будутъ немедленно удаляемы отъ занимаемыхъ должностей, какъ неспособные къ службѣ»...

Къ этому циркуляру приложена «Форма свѣдѣній о политическихъ ссыльныхъ, доставляемыхъ ежедневно».

«По формѣ А: Имя и фамилія. Чѣмъ занимался въ теченіе дня и какъ именно (читалъ, спалъ, ходилъ въ лавку и въ домъ такого-то. Изъ квартиры такого-то возвратился въ . . . час. дня, вечера). Кто посѣтилъ ссыльнаго, въ какомъ мѣстѣ.

(Нѣкто въ . . . час. дня, ушелъ тогда-то, говорилъ что-либо о своемъ положеніи).

Особыя замѣтки о поведеніи въ теченіе дня.

(У такого-то сошлись; были шумные разговоры.

Разошлись въ . . . час. дня, вечера).

По формѣ Б: Прибыль съ квартиры, со станціи жел. дор. или парохода, остановился кварт., документъ на жительство.

Прибывшій посѣтилъ № . . . тогда-то и какъ долго.

Вѣрно: подпись.

Свѣдѣнія по формѣ Б. представляются по истеченіи сутокъ по прибытіи на квартиру ссыльнаго лица другого ссыльнаго».

Мы цѣликомъ привели этотъ плодъ административной фантазіи сіятельнаго начальника Восточной Сибири, такъ какъ онъ съ полной наглядностью даетъ понятіе о всей неспосности, возмутительности условій жизни, которыя создались для политическихъ ссыльныхъ кутайсовскимъ режимомъ.

Вышеприведенными циркулярами далеко не исчерпывается административно-литературная дѣятельность Кутайсова по вопросу о «согнутіи въ бараній рогъ» политическихъ ссыльныхъ.

У насъ не имѣется подъ руками кутайсовскихъ предписаній объ удаленіи поднадзорныхъ изъ городовъ и селеній, расположенныхъ близъ Сибирской желѣзной дороги, о немедленной высылкѣ изъ Якутска всѣхъ «политиковъ», живущихъ тамъ безъ его разрѣшенія, о затрудненіи отлучекъ

въ городъ даже съ разрѣшенія мѣстнаго начальства; нѣтъ распоряженій о высылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области цѣлыхъ колоній политическихъ ссыльныхъ съ Ленскаго тракта и т. д. И всѣ эти циркуляры и предписанія, тайныя и явныя, не оставались мертвой буквой, а немедленно приводились въ жизнь невѣжественными, ретивыми не по разуму исполнителями.

Началось раскассированіе и переселеніе въ отдаленныя, глухія мѣста колоній политическихъ ссыльныхъ вдоль Сибирской желѣзной дороги, особенно въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Ачинскѣ.

Не взирая на рѣшенія суда, что лица, состоящія подъ гласнымъ надзоромъ, имѣютъ право отлучки безъ особаго разрѣшенія въ предѣлахъ стана или участка земскаго заведенія, графъ Кутайсовъ началъ высылать въ отдаленнѣйшія мѣста Иркутской и Енисейской губерніи, (Турутайскъ и т. п.), а затѣмъ и въ Якутскую область—Верхоянскъ и Колымскъ—за самовольныя прогулки за нѣсколько верстъ отъ села, на охоту, за недозволенный прїѣздъ въ городъ изъ сосѣднихъ деревень.

Подъ вліяніемъ тѣхъ-же циркуляровъ и тайныхъ внушеній быстро мѣнялась вся атмосфера ссылки, весь характеръ отношеній къ ссыльнымъ ближайшаго начальства и обывателей.

Цѣлый рядъ столкновеній съ жандармами, конвоемъ и мѣстными полицейскими властями произошли у ленскихъ товарищей по поводу кутайсовскаго циркуляра, запретившаго свиданія мѣстныхъ колоній ссыльныхъ съ партіями высылаемыхъ въ Якутскую область «государственныхъ».

Жандармы, конвой и низшіе полицейскіе чины, получивъ новыя инструкціи, начали вести себя крайне вызывающе, нерѣдко позволяли себѣ не только площадныя ругательства, но и грубыя насилія надъ политическими ссыльными. Нашимъ товарищамъ-колонистамъ по Ленѣ пришлось извѣдать силу урядническихъ кулаковъ и солдатскихъ прикладовъ, а также прелести сибирскихъ клоповниковъ—«холодныхъ».

Первыми жертвами кутайсовскаго режима на Ленѣ были верхоленскіе товарищи, которыхъ сначала разослали всей

колоніей по глухимъ деревнямъ уѣзда за демонстративную встрѣчу партіи, а въ сентябрѣ двоихъ—Левинсона и Рудермана—выслали, перваго въ Верхоянскъ, а втораго въ Колымскъ, по подозрѣнію въ содѣйствіи побѣгамъ.

За верхоленцами были высланы Кутайсовымъ въ Якутку товарищи изъ Усть-Куты: М. Басъ и Роза Гольдбергъ, оба назначенные въ Средне-Колымскъ. У тамошней колоніи осенью вышло столкновение съ конвоемъ и полиціей при встрѣчѣ новой партіи. Товарищей жестоко избили, посадили въ холодную. Двое изъ нихъ—Бронштейнъ и Злочевскій—успѣли бѣжать до отправки въ Якутскую область.

8-го октября арестовали и засадили въ волостную тюрьму товарищей - знаменцевъ «за открытое сопротивление полиціи и надзирателямъ». «Сопротивленіе» выразилось въ томъ, что эту шпіонящую братію не допускали лазать въ квартиры по нѣсколько разъ въ день и выставляли особенно нахальныхъ...

За это трое знаменскихъ товарищей, просидѣвъ до 2-го декабря въ клоповникѣ, были высланы въ Якутскую область и получили надбавку срока: Шадовскій и Венхъ по 3 года, а Залкиндъ—5 лѣтъ. И все это безъ всякаго разслѣдованія, по доносу пьяницы-урядника, однимъ почеркомъ кутайсовскаго пера.

Изъ Иркутской-же губерніи прибыли въ Якутскую область товарищи Осинской колоніи (Вардаянцъ, Израильсонъ, Гельфантъ, Цвиллингъ, Фишъ и г-жа Розенштейнъ)—всѣ съ назначеніемъ въ Верхоянскъ и вѣроятной прибавкой, которую не успѣли только объявить до начала протеста. Высланы они были кутайсовскимъ порядкомъ за «вооруженное сопротивление властямъ», какъ значится въ препроводительной бумагѣ, въ дѣйствительности-же за недопущеніе въ общую квартиру урядника и сотскихъ, нахально ломившихся произвести обыскъ по собственному усмотрѣнію и безъ всякихъ къ тому основаній.

Позже была разослана по глухимъ мѣстамъ часть Балаганской колоніи за отказъ исполнять кутайсовскіе циркуляры, а двухъ енисейцевъ—Шмельфарба и Иванова—за

самовольную отлучку, Кутайсовъ распорядился выслать въ Средне-Колымскъ съ надбавкою по 3 года каждому.

Въ Якутской области фактическому примѣненію кутайсовскихъ циркуляровъ предшествовалъ массовый наплывъ политическихъ ссыльныхъ за лѣто и осень 1903 года. Такого наплыва давно ужъ не видала Якутка. Начало всякихъ придирокъ и серьезныхъ репрессій совпало по времени съ удаленіемъ, въ концѣ сентября, губернатора Скрипицына и пріѣздомъ новаго, ставленника Плеве—Булатова. До лѣта 1903 года политическихъ ссыльныхъ водворяли на житье исключительно по Ленскому тракту и въ городахъ Якутской области. Въ глухихъ улусахъ, среди инородческаго населенія, ужъ много лѣтъ не поселяли. Но теперь, когда Якутская область сразу переполнилась ссыльными, а Кутайсовъ слалъ одно распоряженіе за другимъ, чтобъ не оставлять никого въ Якутскѣ и ближайшихъ къ нему поселеніяхъ, мѣстная администрація начала снова высылать на житье въ отдаленнѣйшіе улусы и наслеги. Въ такихъ дикихъ мѣстахъ ссыльнымъ приходится жить при невозможной обстановкѣ якутскихъ юртъ, разбросанными по одиночкѣ, на десятки и сотни верстъ другъ отъ друга, безъ всякой медицинской помощи, вдали отъ почтоваго тракта и не имѣя возможности купить даже такихъ необходимыхъ предметовъ, какъ хлѣбъ, чай, сахаръ и керосинъ.

И вотъ при такихъ-то условіяхъ жизни политическихъ ссыльныхъ въ глухихъ мѣстахъ Якутской области, къ нимъ стали примѣнять кутайсовскіе циркуляры о самовольныхъ отлучкахъ, стѣсненіи отлучекъ разрѣшенныхъ и т. д.

На практикѣ это сводилось къ полному лишенію товарищей-улусниковъ возможности пріѣзжать въ городъ, чтобы закупить самое необходимое для жизни или обратиться къ помощи врача, такъ какъ въ концѣ 1903 года разрѣшенія на пріѣздъ въ Якутскъ, зависѣвшія раньше отъ мѣстныхъ засѣдателей, а теперь непосредственно отъ губернатора, почти не стали выдаваться, и на большинство просьбъ объ этомъ администрація не удостоивала даже отвѣтомъ.

А на случай, если-бы кто изъ улусниковъ, въ виду крайней необходимости, даже подъ угрозой Колымска и

надбавки срока, рѣшилъ отлучиться въ городъ, не дождав-
шись разрѣшенія, исправники разослали всѣмъ инороднымъ
управамъ предписаніе ни въ коемъ случаѣ не давать «го-
сударственнымъ» лошадей безъ особаго разрѣшенія по-
лиціи.

Въ самомъ городѣ Якутскѣ, «новый курсъ» проявился
сразу въ усиленіи и большей наглости шпіонства, въ не-
обычной грубости обращенія съ политическими ссыльными
мѣстныхъ властей, въ неоднократныхъ попыткахъ админи-
страціи засадить новыя партіи ссыльныхъ въ тюрьму до
отправки ихъ въ мѣста назначенія. Эти попытки остались
тщетными лишь благодаря энергичному сопротивленію вновь
прибывающихъ товарищей, для которыхъ выѣздъ прямо изъ
тюрьмы, напр. въ Верхоянскъ или Колымскъ, безъ подго-
товки мѣховой одежды и провизіи, былъ-бы равносильнъ
вѣрной смерти отъ голода и мороза въ долгомъ пути по
безконечной снѣжной пустынѣ.

При назначеніи и разсылкѣ по улусамъ и въ отдаленнѣй-
шія мѣста Якутской области, администрація перестала обра-
щать вниманіе на больныхъ и семейное положеніе ссыль-
ныхъ.

Къ зимѣ администрація пустила въ ходъ новую при-
жимку въ отношеніи къ цѣлому ряду товарищей, кончив-
шихъ срокъ и, на основаніи Положенія о гласномъ надзорѣ,
имѣвшихъ право быть отправленными на родину на казен-
ный счетъ.

По указаніямъ свѣше, якутскій губернаторъ Булатовъ
сталъ отказывать въ этомъ, заявляя, что правительство
не обязано тратиться на отправку ссыльныхъ въ Россію,
что на это нѣтъ средствъ, что даже верхоянскій и колым-
скій исправники не имѣютъ права отправлять больше въ
Якутскъ кончившихъ срокъ «политиковъ». А надо помнить,
что дорога на свой счетъ изъ Колымска, Верхоянска и даже
Якутска—зимой обходится многія сотни рублей. Приѣхав-
шимъ въ началѣ декабря товарищамъ изъ Верхоянска, от-
бывшимъ срокъ: Бѣлову, Смирнову и Долинину, большого
труда стоило добиться отправки ихъ въ Россію, да и то
лишь въ концѣ января и послѣ многократныхъ объясненій

съ губернаторомъ, настойчивыхъ требованій, телеграфныхъ запросовъ въ Иркутскѣ и т. д.

Олекменскій исправникъ тогда-же отказался рѣшительно отправить на казенный счетъ кончившаго срокъ товарища Рульковскаго, и понадобилось энергичное вмѣшательство всей колоніи, чтобы заставить полицію исполнить законное требованіе отъѣзжающаго.

Одному изъ якутскихъ товарищей—Бѣлецкому, губернаторъ не только ссылался на предписанія генераль-губернатора, но показывалъ и телеграмму министра внутреннихъ дѣлъ Плеве отъ 22 (27?) января 1904 года, въ которой предписывается не отправлять больше ссыльныхъ на казенный счетъ. И Бѣлецкому удалось добиться отправки лишь послѣ долгихъ препирательствъ съ начальствомъ.

При кажущейся неважности, этотъ вопросъ, на почвѣ вышеописанныхъ условій, значительно содѣйствовалъ обостренію и безъ того скопившагося недовольства якутскихъ политическихъ ссыльныхъ, такъ какъ для большинства изъ нихъ, особенно-же поселенныхъ въ отдаленнѣйшія мѣста, лишеніе права отправки домой на казенный счетъ было-бы равносильно осужденію на безсрочную ссылку.

Возрастающее недовольство якутскихъ политическихъ ссыльныхъ перешло въ глубокое возмущеніе, подъ вліяніемъ двухъ новыхъ проявленій кутайсовскаго режима: 1) ссылки однаго изъ якутскихъ товарищей—Каревина—въ Нижне-Колымскъ за «самовольную отлучку» въ городъ изъ села Павловскаго, за 18 верстъ и 2) звѣрское избіеніе конвоемъ, урядникомъ и сотскими февральской партіи политическихъ ссыльныхъ на пути, въ Усть-Кутѣ, за ихъ намѣреніе увидѣться съ жившими тамъ ссыльными.

Предъ товарищами, находившимся къ тому времени въ Якутскѣ, сталъ роковой вопросъ: терпѣть-ли этотъ произволь и систематическія издѣвательства надъ личностью политическихъ ссыльныхъ дальше, или настало время дать отпоръ?

II.

Организація протеста, его характеръ и цѣли.

При такихъ обстоятельствахъ возникла идея нашего протеста. Къ тому времени, т. е. началу февраля, въ самомъ городѣ Якутскѣ и ближайшихъ къ нему поселеніяхъ насчитывалось около 120 ссыльныхъ. Значительное большинство изъ находившихся въ городѣ ссыльныхъ только недавно пріѣхали и жили тамъ лишь временно, до отправки въ дальніе улусы, въ Колымскій, Верхоянскій и Вилюйскій округа. Среди этой части сосланныхъ товарищей еще раньше, съ января мѣсяца, возникло и развивалось протестующее настроеніе. Оно проявлялось уже съ перваго момента прибытія въ Якутскъ, гдѣ власти не разъ пытались запереть новыя партіи въ тюрьмѣ до отправки на мѣста водворенія. Оно росло на многочисленныхъ собраніяхъ политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ, на которыхъ имъ приходилось обсуждать вопросы о томъ, что дѣлать въ случаѣ отправки въ отдаленнѣйшіе улусы, дикія мѣста, гдѣ нѣтъ сносныхъ квартиръ, медицинской помощи и даже хлѣба, какъ поступать больнымъ товарищамъ-улусникамъ въ виду запрещенія самовольныхъ отлучекъ и выдачи лошадей политическимъ, что дѣлать, если администрація будетъ отправлять серьезнобольныхъ товарищей въ Верхоянскъ и Колымскъ, наконецъ,—что предпринять, если товарищей изъ улусовъ будутъ высылать въ Нижне-Колымскъ за самовольныя отлучки въ городъ? На этихъ собраніяхъ принимали участіе и товарищи, недавно высланные въ улусы.

Многіе изъ нихъ прямо бѣжали въ городъ отъ невозможныхъ, прямо-таки нечеловѣческихъ условій жизни въ глуши въ жалкихъ, разбросанныхъ по тайгѣ, юртахъ якутовъ. Они рѣшительно заявляли, что добровольно не вернутся въ эти ужасныя человѣческія норы. И опять возникъ вопросъ:—что дѣлать ссыльнымъ, если полиція захочетъ силой вернуть самовольно отлучившихся товарищей?..

Страстные обсуждения всѣхъ этихъ злобъ дня ссыльной

жизни съ логической неизбежностью приводили къ основному злу—режиму Кутайсова и вопросу о средствах протеста противъ него, борьбы съ нимъ. Съ тѣмъ, что «кутайсовщина» стремится сдѣлать жизнь политическихъ ссыльныхъ нестерпимой, что она представляетъ возведенное въ систему поруганіе ихъ человѣческаго достоинства,—съ этимъ всѣ были согласны.

Въ принципѣ никто не возражалъ и противъ того, что долготерпѣніе и покорность при такихъ условіяхъ—недостойны революціонеровъ. Разногласія обнаружилась только съ момента, когда болѣе активные товарищи нашли своевременнымъ перейти отъ словъ къ дѣлу, рѣшили выразить свое негодованіе въ формѣ серьезнаго протеста, начать открытую борьбу съ кутайсовскимъ режимомъ.

И всѣ дальнѣйшіе споры на общихъ собраніяхъ политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ велись не за и противъ необходимости протеста, а лишь по вопросу о наиболее цѣлесообразной и дѣйствительной формѣ этого протеста и его своевременности въ данный моментъ.

Были, конечно, въ средѣ присутствующихъ и лица, по тѣмъ или другимъ причинамъ, вообще не расположенные протестовать, но единодушіе общаго настроенія заставляло ихъ молчать, въ дальнѣйшемъ — не являться на собранія. На первомъ-же общемъ собраніи по вопросу о протестѣ, въ половинѣ феврала, гдѣ присутствовало болѣе восьмидесяти политическихъ ссыльныхъ, принципиальное рѣшеніе о необходимости протестовать было принято единогласно, при нѣсколькихъ воздержавшихся. Полное единодушіе господствовало и по вопросу о безцѣльности всякихъ чисто-бумажныхъ протестовъ индивидуальныхъ и коллективныхъ. 2—3 «старожила», раньше отстаивавшіе полезность коллективныхъ заявленій по начальству, на это, какъ и послѣдующія собранія, не явились. Отсутствовали на собраніяхъ и многіе социалисты-революціонеры, что вначалѣ могло объясняться сильной обостренностью ихъ отношеній къ социаль-демократамъ—фактическимъ инициаторамъ протеста, а въ дальнѣйшемъ—ихъ выяснившимся принципиальнымъ несогласіемъ съ рѣшенной формой протеста. Вообще, надо ска-

зять, что эта партійная рознь, особенно усиливавшаяся подъ вліяніемъ резолюціи о соціалистахъ-революціонерахъ, принятой на второмъ соціаль-демократическомъ съѣздѣ и дошедшей въ Якутку лишь къ январю 1904 г., окончательно испортила отношенія въ ссылкѣ и нарушила возможное, при другихъ условіяхъ единодушіе протеста.

Когда перешли къ обсужденію различныхъ формъ протеста, такъ нашлись товарищи, рекомендовавшіе методъ «пассивнаго сопротивленія» кутайсовскимъ циркулярамъ и массоваго ихъ нарушенія. Но при этомъ оставался нерѣшеннымъ вопросъ, что дѣлать, если на пассивное сопротивление и массовыя нарушенія администрація и полиція отвѣтятъ активными насиліями, избіеніями, массовыми-же отправками силой въ прежнія мѣста водворенія или Верхоянскъ и Колымскъ. У всѣхъ предъ глазами стоялъ ужасный опытъ «пассивнаго сопротивленія», пережитый партіей ссыльныхъ въ Усть-Кутѣ, только-что прибывшей въ Якутскъ. Подъ вліяніемъ мучительныхъ разсказовъ товарищей о звѣрскомъ избіеніи, связываніи и оскорбленіяхъ, которымъ подвергла ихъ свора конвойныхъ и сотскихъ за одну попытку добиться свиданія, невольно смолкали въ нашемъ собраніи голоса защитниковъ «пассивнаго сопротивленія». Все опредѣленнѣе выяснялась необходимость активнаго протеста. Но всѣмъ было ясно, что активное сопротивление режиму Кутайсова неизбежно приведетъ къ жертвамъ, что здѣсь трудно остановиться на полдорогѣ. И первое собраніе закончилось принятіемъ рѣшенія о необходимости активнаго протеста, не останавливаясь предъ вооруженнымъ сопротивленіемъ насилію.

Выясненіе формы активнаго протеста было цѣлью второго собранія,—на слѣдующій день. Но въ промежуткѣ уже совершился отборъ, и изъ, приблизительно, восьмидесяти человѣкъ, принципиально высказавшихся за протестъ, на второе собраніе явилось только пятьдесятъ. Здѣсь прежде всего отъ имени «группы двадцати» соціалистовъ-революціонеровъ поступило заявленіе, что они признаютъ въ данномъ случаѣ цѣлесообразной лишь тактику единоличныхъ актовъ наказанія виновниковъ репрессій, а всякая форма массоваго

вооруженнаго сопротивленія не достигнетъ цѣли, будетъ стоить слишкомъ много жертвъ и т. д. Когда собраніе высказалось противъ рекомендуемой ими тактики, делегаты этой группы удалились, и она въ дальнѣйшемъ не только не принимала уже никакого участія въ протестѣ, но повела усиленную контръ-агитацію. Подъ флагомъ этой группы лицъ, отстаивавшихъ свою тактику борьбы, укрылись и тѣ элементы ссылки, которые были противъ всякихъ протестовъ и всякихъ формъ борьбы съ кутайсовщиной. Такъ образовалась группа въ 42 человекъ «контръ-протестантовъ», которая еще наканунѣ «Романовки» заявила, что снимаетъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность за могущія быть послѣдствія и жертвы протеста. Этимъ, да усердной, къ сожалѣнію, не всегда разборчивой въ средствахъ, контръ-агитаціей и ограничилась ея дѣятельность. Высказавшись за активный протестъ, организаторы должны были рѣшить вопросъ о конкретной формѣ его. Страстно дебатировалось два плана дѣйствій. Одинъ—вооруженнаго сопротивленія первой же серьезной попыткѣ администраціи дѣйствовать на основаніи кутайсовскихъ циркуляровъ—отправкѣ силой товарища Коревина за «самовольную отлучку» въ Нижне-Колымскъ и т. п. На это возражали, что нѣтъ смысла ждать дальнѣйшихъ проявленій общей системы, уже достаточно выяснившейся на практикѣ всей Сибири. А главное, тутъ приходилось рѣшить основной вопросъ—цѣлесообразно-ли оказывать сопротивленіе при случайныхъ условіяхъ мѣста и времени, которыя будутъ невыгодны для насъ и не только лишатъ возможности дѣйствительнаго сопротивленія, но и дадутъ возможность полиціи и солдатамъ учинить надъ ссылкой новую звѣрскую расправу. И до сихъ поръ въ Якутскѣ еще жива память о кровавой бойнѣ, учиненной тамъ надъ политическими ссылными въ 1889 году при такихъ-же условіяхъ. Въ результатѣ долгихъ и горячихъ дебатовъ рѣшили организовать коллективный протестъ противъ системы Кутайсова въ ея цѣломъ и при условіяхъ мѣста и времени, дающихъ возможность дѣйствительной самозащиты отъ избіеній и надругательства «охранителей порядка» надъ протестантами.

А для этого необходимо было выработать общія требованія и предъявить ихъ высшей администраціи, предварительно заpastись оружіемъ, собравшись вмѣстѣ и забаррикадировавшись въ какомъ-либо домѣ. Быстро намѣчены были общія требованія,—ихъ диктовала сама жизнь какъ ближайшія, самыя первыя, неотложнѣйшія условія возможности человѣческаго существованія политическихъ ссыльныхъ.

Между прочимъ, были убѣжденные сторонники протеста, которые доказывали несвоевременность его въ данный моментъ, необходимость отложить на 1—2 мѣсяца, чтобы имѣть время снестись со всѣми колоніями, организовать ссылку для всеобщаго протеста и т. д.

Но эти товарищи забывали, что громадному большинству выяснившихся участниковъ протеста грозила въ ближайшія 2—3 недѣли разсылка по отдаленнымъ улусамъ, отправка въ Вилюйскъ, Верхоянскъ и Колымскъ, откуда, все равно, нельзя выбраться, чтобы участвовать въ общемъ протестѣ. Ближайшіе-же улусники были извѣщены, приглашены къ участию съ первыхъ-же шаговъ организаціи протеста. И, наконецъ, громадное большинство высказалось за необходимость быстро начать протестъ, иначе про то узнаетъ администрація, предприметъ высылки, аресты, и дѣло разстроится. Уже начатую закупку оружія и пищевыхъ запасовъ рѣшено было ускорить. Всѣ участники собранія поручились не отступать и считать измѣной предъ остальными товарищами послѣ этого не участвовать въ протестѣ.

Но это не устранило печальнаго факта, что на послѣднее, уже чисто практическое собраніе наканунѣ «Романовки» явилось только 36 человѣкъ изъ пятидесяти.

Глубокое убѣжденіе въ жизненной необходимости протеста и надежда, что присоединятся другіе, разъ онъ будетъ начатъ, побудилъ явившихся товарищей остаться вѣрными принятому рѣшенію. Выборъ между «Ивановкой»—общей квартирой улусниковъ—и «Романовкой», которая тоже занималась «политическими», былъ окончательно рѣшенъ въ пользу послѣдней, какъ болѣе удобной въ стра-

тегическомъ отношеніи и расположенной въ бойкомъ мѣстѣ города, на виду у жителей.

Условившись окончательно съ нѣсколькими товарищами, которыхъ оставляли въ городѣ для помощи извнѣ, принявъ необходимыя мѣры для своевременнаго полученія остальной провизіи, хлѣба, мяса, льда, а также досокъ, плахъ, корабельныхъ гвоздей, телеграфной проволоки, и другихъ матеріаловъ и инструментовъ для постройки баррикадъ и проволочныхъ загражденій въ домѣ, мы рѣшили собраться въ «Романовку» на слѣдующее утро къ 11 часамъ дня.

Многіе товарищи, особенно пріѣзжіе, прямо остались тамъ ночевать.

Здѣсь умѣстно, предъ началомъ открытаго выступленія, подробнѣе выяснить общій характеръ и цѣли протеста, какъ они формулировались участниками въ результатѣ всѣхъ обсужденій. Это облегчитъ пониманіе ихъ образа дѣйствій въ самомъ протестѣ, а затѣмъ и на судѣ.

Съ самаго начала первые инициаторы и всѣ будущіе участники протеста были согласны въ томъ, что дѣло идетъ не о простой, хотя-бы и вооруженной, демонстраціи, могущей повліять на улучшение положенія ссыльныхъ въ неопредѣленномъ далекомъ будущемъ. Общественный смыслъ и цѣль готовившагося протеста заключались для насъ не въ простомъ желаніи выразить свое недовольство условіями ссылки путемъ вооруженной демонстраціи, а въ опредѣленной рѣшимости добиться положительныхъ результатовъ борьбы—отмѣны позорныхъ циркуляровъ генераль-губернатора Кутайсова, дѣлающихъ жизнь политическихъ ссыльныхъ невыносимой, ихъ положеніе—унизительнымъ. На ряду съ чисто-агитаціонной, нашъ протестъ имѣлъ и непосредственно-практическую цѣль—добиться уничтоженія «кутайсовщины» если не сейчасъ, такъ въ скоромъ будущемъ. И только помня объ этой двойкой цѣли протеста, можно правильно судить о нашихъ дѣйствіяхъ какъ за время «Романовки», такъ и потомъ на судѣ.

Съ точки зрѣнія исключительно агитаціонной, демонстративной, прежде всего явилась-бы непонятной умѣренность выставленныхъ нами требованій, о которыхъ потомъ

мы сами и защита на судѣ отзывались, какъ о «консервативныхъ» по своему характеру.

Вырабатывая и предъявляя наши требованія, мы, конечно, руководились не «законностью» каждого изъ нихъ съ точки зрѣнія «Устава о ссыльныхъ» или «Положенія о гласномъ надзорѣ», а ихъ жизненной настоятельностью. Но при этомъ мы сознательно урѣзывали себя, сообразуясь не только съ важностью, настоятельностью и справедливостью нашихъ требованій, но и со степенью ихъ практической осуществимости въ данный моментъ. Такъ, напр., мы вычеркнули уже принятое было требованіе наказанія и удаленія съ должности виновниковъ избіенія политическихъ ссыльныхъ въ Усть-Кутѣ именно потому, что нашли его недоступимымъ при нашихъ силахъ. Вотъ копія того заявленія Якутскому губернатору, которое рѣшено было подать на слѣдующее утро протестантами, забаррикадовавшись въ домѣ Романова:

«Якутскій губернаторъ!

Мы никогда не считали ссылки и прочихъ репрессій правительства противъ революціонеровъ явленіемъ нормальнымъ, или имѣющимъ что-либо общее съ справедливостью. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ допустить попытки отягченія ссылки путемъ примѣненія къ намъ разныхъ измышлений большихъ или маленькихъ властей, не стѣсняющихся въ своей изобрѣтательности даже рамками законовъ, изданныхъ съ репрессивными цѣлями самодержавнымъ русскимъ правительствомъ. За послѣднее время чиновничій произволъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе даетъ себя чувствовать. Насъ били и бьютъ по тюрьмамъ и въ дорогѣ, намъ создаютъ обстановку, въ которой жить нельзя; насъ водворяютъ въ улусы, гдѣ большей частью нѣтъ сносныхъ квартиръ, а за самовольныя отлучки высылаютъ безъ разслѣдованія обстоятельство въ отдаленнѣйшія мѣста; намъ набавляютъ сроки опять-таки безъ гласнаго разслѣдованія и неизвѣстно, по чьему фактическому усмотрѣнію; насъ везутъ безъ средствъ и въ негодной одеждѣ, лишая даже возможности пользоваться товарищеской помощью. Изъ ссылки намъ устраиваютъ западню, въ которой мы должны

оставаться и послѣ окончанія срока, такъ какъ, вопреки точному смыслу законовъ, намъ отказываютъ въ возвращеніи на казенный счетъ; наши самыя законныя ходатайства остаются безъ удовлетворенія по причинамъ намъ неизвѣстнымъ и т. д. и т. д.

Служить объектомъ произвола и административныхъ измышлений, откуда-бы они ни исходили, мы не желаемъ и заявляемъ, что никто изъ насъ не уѣдетъ изъ Якутска и что мы не остановимся предъ самыми крайними мѣрами до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены слѣдующія требованія:

1) Гарантія немедленной, безъ всякихъ проволочекъ и пререканій, отправки всѣхъ оканчивающихъ срокъ товарищей на казенный счетъ.

2) Отмѣна всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время распоряженій о стѣсненіи и почти полномъ воспрещеніи отлучекъ.

3) Отмѣна всякихъ, кромѣ точно указанныхъ въ «Положеніи о гласномъ надзорѣ», репрессій за нарушение этого «Положенія».

4) Отмѣна циркуляра, запрещающаго свиданія партій съ мѣстными политическими ссыльными.

5) Гарантія въ томъ, что никакихъ репрессалій по отношенію къ лицамъ, подписавшимъ настоящія требованія, примѣнено не будетъ.

Отмѣну упомянутыхъ циркуляровъ и распоряженій мы считаемъ тѣмъ болѣе настоятельной, что примѣненіе ихъ вызывало и будетъ вызывать рядъ серьезныхъ столкновеній, а повтореніе такихъ гнусныхъ фактовъ, какъ избіеніе въ Усть-Кутѣ товарищей, прибывшихъ въ Якутскъ 2-го февраля, всегда будетъ вызывать рѣзкій протестъ.

Мы убѣждены, что тотъ или иной исходъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ вашего собственнаго образа дѣйствій и что поэтому отвѣтственность за могущія быть недоразумѣнія и столкновенія падетъ лично на васъ. Являться по требованію полиціи мы никуда не будемъ и всѣ сношенія рекомендуемъ вести письменно, адресуя любому изъ подписавшихся товарищей».

Если-бы мы смотрѣли на свой протестъ какъ на простую демонстрацію, намъ естественно было-бы выставять такія важныя безспорно-насущныя требованія, какъ полное уничтоженіе административной ссылки, введеніе суда присяжныхъ по дѣламъ политическимъ и т. п. Но скромность, консервативность нашихъ требованій, ихъ законность даже съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства были намъ ручательствомъ въ ихъ немедленной достижимости, что было главной цѣлью протеста.

Мы хорошо знали цѣну «законности», господствующей въ Россіи, особенно по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ. За борьбу противъ царящей «законности» мы всѣ побывали въ тюрьмахъ и попали въ ссылку. И если за всѣмъ тѣмъ революціонерамъ пришлось вести борьбу на жизнь и смерть за «права и вольности», гарантированные Положеніемъ о гласномъ полицейскомъ надзорѣ и уставомъ о ссыльныхъ, такъ это свидѣтельствуетъ лишь о дикой реакціонности и наглости произвола «кутайсовщины», о всемъ ужасѣ тогдашняго положенія ссылки, созданнаго режимомъ фонъ-Плеве.

Людей, не знающихъ тогдашнихъ условій жизни политическихъ ссыльныхъ въ Якутской области, должно поразить чудовищное несоотвѣтствіе между умѣренностью нашихъ требованій и крайностью избраннаго средства борьбы за ихъ осуществленіе. Но именно самый фактъ рѣшимости нѣсколькихъ десятковъ политическихъ ссыльныхъ пожертвовать собой за эти требованія долженъ былъ не только дать знать друзьямъ о нестерпимости положенія, а и предостеречь нашихъ враговъ.

Мы прекрасно знали, что «кутайсовщина»—не личная фантазія и не безсознательное творчество иркутскаго генералъ-губернатора, а цѣлая строго обдуманная правительственная система въ отношеніи къ политическимъ врагамъ, но мы надѣялись, что такіе факты, какъ готовившійся протестъ, даже «нашихъ охранителей» заставятъ призадуматься надъ цѣлесообразностью этой системы... Въ дальнѣйшемъ общій характеръ протеста долженъ былъ опре-

дѣлаться не только его цѣлями, но и нашей тактикой, избранной формой борьбы, а также поведѣніемъ властей.

Высказавшись за рѣшительный протестъ, съ оружіемъ въ рукахъ, мы имѣли предъ собой два пути: 1) открытаго возстанія и 2) вооруженнаго сопротивленія насиліямъ «охранителей порядка». Мы единодушно высказались за второй путь. Всѣ рѣшили держаться строго-оборонительной тактики. Поэтому цѣлью нашего вооруженія и забаррикадированія было сознаніе условій дѣйствительной самозащиты на случай попытки взять насъ силой и учинить кровавую бойню протестантамъ. Мы шли на «Романовку», готовые дикому насилію противопоставить вооруженную силу и дорого продать свою жизнь въ борьбѣ за охраненіе человѣческаго достоинства отъ поруганія.

III.

«Романовка».

Въ знаменательное для участниковъ протеста утро 18-го февраля домъ инородца Романова представлялъ необычайное зрѣлище. По лѣстницѣ, ведущей на верхній этажъ, взадъ и впередъ сновали политическіе ссыльные, мужчины и женщины, съ лихорадочной торопливостью заноса въ домъ мѣшки хлѣба, «ноги» мяса, круги мерзлаго молока, телеграфную проволоку, гвозди, топоры и т. д. У крыльца свалены были только-что привезенныя толстыя плахи, которыя тоже моментально исчезли въ домъ. Тянулись воза съ «твердой водой» — льдомъ, который складывался на галлерей сзади, а оттуда быстро уносился «политическими» въ кухню. Дошла очередь и до дровъ, огромныя количества которыхъ были заготовлены какъ жившими на Романовкѣ политическими ссыльными, такъ и хозяиномъ. Отъ крыльца къ дровамъ и по лѣстницѣ выстроилась густая цѣпь «политическихъ», и въ воздухѣ замелькали тяжелыя листовничныя полѣнья, быстро передаваемые изъ рукъ въ руки. Дрова у забора какъ-бы таяли, одна сажень за другой поглощались

домомъ. Работа кипѣла... Подходили запоздавшіе товарищи...

Въ самой «Романовкѣ» за это время тоже шла неутомимая дѣятельность. Всѣ комнаты были набиты политическими ссыльными, всѣ жесты, взгляды и тонъ голоса которыхъ свидѣтельствовали о громадномъ возбужденіи. Одни размѣщали по комнатамъ или уносили въ кухню передаваемые съ лѣстницы дрова, посуду, хлѣбъ, ледъ и т. п., другіе въ отдѣльной комнатѣ разбирали и приводили въ порядокъ принесенное оружіе, третьи уже готовились къ началу работъ по забаррикадированію дома, горячо обсуждая планъ защиты, мѣсто расположенія и форму укрѣпленій. Но вотъ необходимыя приготовления сдѣланы, привезены и снесены въ домъ всѣ запасы и матеріалы. Выпроваженъ казакъ, явившійся за кѣмъ-то изъ протестантовъ, чтобы вести его въ улусъ... Тягостная минута прощанія съ товарищами, которые согласились остаться на волѣ для содѣйствія извнѣ протестующимъ; даны послѣднія инструкціи, условные знаки, сигналы на разные случаи... Наступаетъ рѣшительный моментъ подписи и отправки заявленія губернатору.

Это заявленіе, текстъ котораго приведенъ выше, подписываютъ 42 товарища: Маріанна Айзенбергъ, М. Бройдо, Г. Вардаянцъ, Д. Викарь, А. Гинзбургъ, Н. Гельфандъ, Л. Джогадзе, Тая Жмуркина, А. Журавель, А. Залкиндъ, С. Зараховичъ, А. Израильсонъ, В. Курнатовскій, И. Костолянецъ, А. Костюшко, Н. Каганъ, Н. Кудринъ, С. Лейкинъ, М. Лаговскій, Г. Лурье, М. Лурье, А. Медяникъ, Ю. Маглаховъ, Л. Никифоровъ, М. Оржеровскій, Г. Ольштейнъ, О. Погосовъ, И. Ржонца, П. Розенталь, Анна Розенталь, Ревекка Рубинчикъ, Л. Рудавскій, Л. Соколинскій, К. Сонодуро, (В. Перазичъ), П. Тепловъ, Л. Теслеръ, Т. Трифоновъ, Д. Ройтенштернъ, С. Фридъ, И. Хацкелевичъ и М. Цукеръ.

Заявленіе посылается съ однимъ товарищемъ прямо въ областное правленіе. Жребій брошенъ... Мы были убѣждены, что кровавая развязка послѣдуетъ быстро, какъ только губернаторъ узнаетъ наши требованія и рѣшеніе протестовать. Мы ждали, что мѣстная власть даже по собственной

иниціативѣ, безъ приказовъ Кутайсова и Плева, распорядятся взять насъ силой, и къ отраженію такого нападенія мы дѣятельно готовились. Чтобы предотвратить безпрепятственное вторженіе незваныхъ гостей, моментально были пригнуты наружныя скобки входныхъ дверей, которыя заперли, и къ нимъ выставили охрану. Это послужило сигналомъ къ началу общихъ работъ по укрѣпленію «Романовки». Весь домъ огласился раздирающимъ уши визгомъ пиль, стукомъ топоровъ и грохотомъ прибиванія «костылями» брусевъ къ притолокамъ дверей. Якуты въ нижнемъ этажѣ и на дворѣ переполошились. Хозяинъ прислалъ мальчика съ заявленіемъ, что онъ не желаетъ держать на квартирѣ «столяровъ» (!), а самъ помчался въ полицію съ доносомъ, что наверху у политическихъ творится что-то неладное. Прежде всего мы забаррикадировали входныя двери, заднюю наглухо, а переднюю—полубаррикадой. Наглухо-же забаррикадировали окно, выходящее на террасу задняго крыльца. Въ этомъ окнѣ, какъ и въ стѣнѣ, ведущей на лѣстницу параднаго крыльца, были продѣланы бойницы для отраженія нападеній. И только обезопасивъ себя отъ неожиданнаго вторженія, принялись за укрѣпленія внутренности дома.

Весь планъ укрѣпленія «Романовки» диктовался нашей строго-оборонительной тактикой. Проволочныя загражденія у входовъ и баррикады внутри дома имѣли единственной цѣлью обезпечить себя отъ вторженія казаковъ и солдатъ, затруднить ихъ проникновеніе въ домъ и движеніе внутри его, сдѣлать возможными рѣшительный отпоръ насильникамъ и дѣйствительною самозащиту отъ бойни. Начиная протестъ, мы не допускали мысли, не хотѣли вѣрить, что наши враги, въ борьбѣ съ горстью плохо вооруженныхъ мужчинъ и женщинъ, унизятся до варварской тактики обстрѣловъ съ дальняго разстоянія. Противъ этой формы насилія мы были совершенно беззащитны и безсильны бороться. Мы рассчитывали только на штурмъ; весь планъ самообороны годился только на случай прямого нападенія, попытки взять насъ силой. Только на отраженіе штурма, насильственнаго вторженія, годилось и наше оружіе. Оно состояло изъ 25 револьверовъ, на треть «Браунинговъ»,

десятка охотничьихъ ружей, двухъ старыхъ берданокъ, (къ нимъ всего 20 патроновъ), дюжины топоровъ съ длинными рукоятками и многихъ финскихъ ножей. Уже одинъ этотъ перечень служить лучшимъ доказательствомъ, что наше вооруженіе имѣло единственной цѣлью самозащиту и годилось только на отраженіе прямого нападенія, насильственного вторженія.

Въ самый разгаръ работъ по укрѣпленію дома, часовъ около 5-ти, товарищи, дежурившіе у оконъ, извѣстили, что ѣдетъ губернаторъ и полицеймейстеръ. вмѣсто отсутствовавшего Булатова явился и. д. губернатора Чаплинъ и заявилъ дежурному, что желаетъ говорить съ «политическими». Наскоро условившись относительно характера переговоровъ, мы уполномочили Л. Никифорова вести ихъ. Чаплина и Березкина впустили на лѣстницу и предложили войти въ переднюю. Но къ этому времени входная дверь уже была наполовину забаррикадирована и высшимъ представителямъ административно-полицейской власти предстояла скачка съ препятствіями, поэтому, очевидно, боясь умаленія престижа, они не согласились преодолѣть ихъ, отклонивъ даже любезно предложенный стулъ. И за все время переговоровъ, когда на дворѣ былъ морозъ градусовъ въ 30, губернаторъ и полицеймейстеръ простояли между баррикадой и полуотворенной дверью въ сѣни.

Въ срединѣ переговоровъ Чаплинъ даже укоризненно заявилъ, что у него ноги озябли, но снова отклонилъ предложеніе перелѣзть черезъ полубаррикаду.

Мы толпой стояли у дверей въ переднюю, гдѣ были только Никифоровъ и Лаговскій.

Губернаторъ заявилъ, что хочетъ переговорить съ нами лично. Отвѣтъ по существу нашего заявленія онъ можетъ дать только на первый и послѣдній пункты нашихъ требованій.

При этомъ онъ считаетъ возможнымъ сейчасъ-же обѣщать, что противъ насъ, если мы немедленно разойдемся, никакихъ репрессій предпринято не будетъ, равнымъ образомъ всѣ кончившіе срокъ ссылки будутъ возвращаться на родину, тѣмъ или инымъ способомъ, на казенный счетъ.

Относительно-же остальныхъ требованій Чаплинъ заявилъ, что прежде всего они направлены не по адресу, такъ какъ онъ не имѣетъ права отмѣнять распоряженія не имъ сдѣланныя, къ тому-же нѣкоторые пункты, напр. о свиданіяхъ въ пути, рѣшительно не имѣютъ отношенія къ Якутску. Здѣсь ссыльные, какъ только придутъ, немедленно освобождаются изъ-подъ конвоя и уходятъ въ городъ къ товарищамъ.

Въ виду этого губернаторъ совѣтовалъ намъ обратиться съ надлежащимъ ходатайствомъ объ измѣненіи условій ссылки къ генераль-губернатору Восточной Сибири и министру внутреннихъ дѣлъ, отъ которыхъ это зависитъ, самъ-же и со своей стороны обѣщалъ внимательно рассмотреть всѣ ходатайства, которыя каждый изъ насъ ему предъявить, а весною лично объѣхать мѣста водворенія ссыльныхъ и выяснить условія, при которыхъ имъ придется жить.

Никифоровъ отъ имени всѣхъ товарищей отвѣтилъ на это, что губернаторъ имѣетъ право ходатайствовать предъ компетентными лицами и учрежденіями не только объ отмѣнѣ циркуляровъ, но и объ отмѣнѣ законовъ, не соответствующихъ мѣстнымъ нуждамъ и особенностямъ края, а для насъ путь личныхъ ходатайствъ невозможенъ, и къ тому-же ни одинъ возбужденный политическими ссыльными вопросъ не можетъ получить разрѣшенія безъ участія мѣстнаго губернатора. Поэтому мы остаемся при своемъ способѣ дѣйствій и просимъ губернатора сообщить высшимъ властямъ наши требованія съ своимъ заключеніемъ. Губернаторъ заявилъ, что сношенія по почтѣ слишкомъ медленны, а телеграммы посылать онъ не станетъ и совѣтовалъ намъ еще разъ подумать и дать отвѣтъ.

Переговоры длились болѣе часа, по городу уже распространился тревожный слухъ, что «политическіе» захватили въ плѣнъ губернатора и полицеймейстера. Полицейскій надзиратель Олесовъ уже велъ на «Романовку» воинскую команду въ боевой готовности для освобожденія плѣнниковъ, когда ѣхавшій домой Чаплинъ вернулъ ее, давъ при этомъ нахлобучку не по разуму усердному спасителю.

Въ результатѣ переговоровъ мы остались при убѣжденіи, что, не достигнувъ соглашенія, губернаторъ навѣрное пошлетъ телеграфное извѣщеніе Кутайсову и Плеве о нашемъ «бунтѣ», отъ нихъ-же будетъ приказъ взять насъ силой.

Поэтому, съ отъѣздомъ губернатора, усиленно возобновились работы по забаррикадированію «Романовки».

Наглухо, прочно забаррикадировавъ дверь и окно, выходящія на заднее крыльцо, мы ждали главнаго приступа со стороны парадной лѣстницы и къ этому приспособили весь планъ самообороны. Надъ дверью крыльца, у слухового окна, постоянно дежурили часовые, могущіе дать тревогу на случай опасности. Въ крутой лѣстницѣ, ведущей къ намъ, былъ сдѣланъ провалъ — вынуты нѣсколько ступенекъ; на эту лѣстницу выходило нѣсколько бойницъ съ особаго помоста въ смежной комнатѣ. Съ этого-же помоста выходилъ цѣлый рядъ замаскированныхъ бойницъ въ прихожую и ко входной двери, загражденной полубаррикадой. Въ прихожей была раскинута сѣть проволочныхъ загражденій.

Столовая отъ прихожей отдѣлялась второю полубаррикадой съ рядомъ бойницъ, наставленныхъ прямо на входную дверь, а боковыя двери изъ прихожей въ обѣ половины дома были забаррикадированы наглухо.

Нами предвидѣлась и возможность нападенія черезъ окна, особенно ночью, и противъ этого были приняты оборонительныя мѣры.

Лишнія окна, за которыми было трудно углядѣть, напр. въ кухнѣ, были вообще забаррикадированы наглухо, за остальными-же непрерывно, днемъ и ночью, слѣдили караульные по очереди.

Всѣ работы по забаррикадированію «Романовки» окончили въ первые 2—3 дня. За это время губернаторомъ было приказано лишь «посматривать» за нами полицейскимъ, что, конечно, не помѣшало проникновенію на «Романовку» и присоединенію къ протестантамъ новыхъ 13-ти товарищей, подавшихъ отъ себя дополнительное заявленіе губернатору о полной солидарности съ нами. Эти това-

рищи, въ большинствѣ только-что пріѣхавшіе изъ улусовъ, были: В. Бодневскій, Д. Виноградовъ, М. Габролидзе, С. Гельманъ, М. Доброжгенидзе, Х. Законъ, М. Камермахеръ, А. Мисюкевичъ, Екатерина Ройзманъ, И. Ройзманъ, Р. Рубинчикъ, И. Центерадзе и Пейся Шрифтейликъ.

Такъ число протестующихъ за баррикадами «Романовки» возрасло до 55, а съ присоединившимися 1-го марта двоими товарищами общее число «романовцевъ» возросло до 57. Для характеристики личнаго состава, революціоннаго прошлаго и основаній къ ссылкѣ въ Якутскую область всѣхъ участниковъ протеста мы приводимъ ниже (см. приложение III) ихъ «Статейные списки». Эти официальные документы свидѣтельствуютъ, что группа якутскаго протеста очень разнообразна по составу членовъ, ихъ личному и революціонному прошлому, національности и т. д. Общимъ признакомъ для всѣхъ является ссылка въ Якутскую область безъ суда, хотя и тутъ есть разница: нѣкоторыхъ упекли еще болѣе упрощеннымъ, такъ называемымъ «охраннымъ», а также «кутайсовскимъ» порядкомъ. Любопытны и «преступленія», за которыя многихъ сослали въ Якутку: специфически-русское — «политическая неблагонадежность» или «сопротивленіе» пьяному уряднику, самовольно лѣзущему съ обыскомъ и т. п.

До протеста «романовцы» не только не представляли собою организованнаго цѣлаго, сплотившагося на какой-либо совмѣстной работѣ, но не были даже членами одной колоніи ссыльныхъ, болѣе или менѣе знающими другъ друга. Большинство изъ насъ перезнакомились и ближе сошлись только въ стѣнахъ «Романовки», а послѣ—въ тюрьмѣ.

Наша солидарность и единство дѣйствій создались общей ненавистью къ режиму Кутайсова, всѣхъ насъ одушевлявшей рѣшимостью бороться противъ этой системы угнетенія и поруганія человѣческаго достоинства политическихъ ссыльныхъ. И людямъ, не пережившимъ аналогичныхъ положеній и чувствъ, трудно выразить словами тотъ всеобщій подъемъ духа, воодушевленіе и готовность къ самопожертвованію, которыми были охвачены протестующіе съ момента вступленія на «Романовку».

Всѣ шли туда, какъ обреченные на смерть, прощаясь навсегда съ милыми сердцу, всѣ были увѣрены въ неминуемой гибели въ стѣнахъ «Романовки» или на висѣлицахъ военного суда... Вначалѣ никто не допускалъ и мысли, что придется сидѣть, что можно выдержать болѣе 3—5 дней такого страшнаго возбужденія.

Первые дни громадное большинство товарищей не смыкали глазъ, съ часу на часъ ожидали нападенія... Но вотъ проходятъ одинъ, два, три дня. За это время—19-го прїѣзжалъ отъ имени губернатора Березкинъ и снова просилъ разойтись. Ему сказали, что завтра нашъ представитель будетъ у губернатора.

Чтобы ускорить дѣло, мы рѣшили непосредственно сообщить наши требованія и министру внутреннихъ дѣлъ. Для этого мы выработали текстъ телеграммы, а чтобъ не было задержки на почтѣ, рѣшили подать ее чрезъ губернатора. 20-го Никифоровъ отправился къ нему. Губернаторъ отказался послать телеграмму, но посовѣтовалъ это сдѣлать намъ самимъ, заявивъ, что никакихъ препятствій къ посылкѣ ея съ его стороны не будетъ. И телеграмма дѣйствительно была отправлена.

На вопросъ, что-же мы намѣрены предпринять дальше, Никифоровъ подтвердилъ сказанное губернатору наканунѣ, причемъ особенно подчеркнул и иллюстрировалъ рядомъ примѣровъ полную невозможность для насъ удовольствоваться частичными «поблажками» начальства, такъ какъ циркуляры Кутайсова связываютъ не только насъ, но и мѣстную администрацію. Губернаторъ продолжалъ доказывать нецѣлесообразность нашего образа дѣйствій. Между прочимъ, онъ спросилъ Никифорова: «неужели вы думаете, что я не сумѣю возстановить порядокъ, хотя-бы даже силою?» На это онъ получилъ въ отвѣтъ, что мы нисколько не сомнѣваемся ни въ превосходствѣ солдатскихъ винтовокъ, ни въ полной возможности взорвать, поджечь насъ, вообще такъ или иначе покончить съ нами, даже при условіи полной безопасности для нападающей стороны. Но для того, чтобы насъ захватить, необходимы такія мѣры, которыя принесутъ гораздо больше вреда, чѣмъ въ состояніи принести

мы тому порядку, для охраны котораго существуютъ и циркуляры и ссылка.

Послѣ нѣкотораго размышленія губернаторъ сказалъ, что разстрѣливать насъ онъ не будетъ, но допустить свободныя сношенія съ окружающими не можетъ и прикажетъ сегодня-же оцѣпить весь домъ. Никифоровъ возразилъ на это, что мы будемъ сидѣть, пока у насъ есть провизія, а когда не станетъ, то будемъ ее добывать хотя-бы даже силой, такъ какъ умирать съ голода намъ нисколько не пріятнѣе, чѣмъ быть разстрѣянными.

Послѣ этого «негласное наблюдение» двухъ полицейскихъ смѣнилось гласной «блокадой» нашего дома 20-ю полицейскими и казаками, но рѣшительныхъ дѣйствій администрація не предпринимала. Она, видимо, рѣшила затягивать развязку и взять насъ изморомъ.

Приходилось невольно приспособляться къ этой новой тактикѣ властей—урегулировать внутреннюю жизнь «Романовки», бывшую вначалѣ хаотической, строго упорядочить расходование мяса, хлѣба, воды и остальной провизіи, чтобы всего хватило на болѣе долгое время.

Громадное нервное возбужденіе первыхъ дней нѣсколько улеглось, и бивуачная жизнь за баррикадами «Романовки» приняла болѣе упорядоченный характеръ. Для защиты дома отъ насильственныхъ вторженій были сформированы два вооруженныхъ отряда, дѣйствовавшихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ самостоятельно, но согласовано, подъ общимъ руководствомъ. Каждый изъ нихъ охранялъ свою половину дома. Были установлены постоянныя очереди дежурствъ у оконъ, дверей и на внѣшнемъ посту—у слухового окна сѣней.

Введена была строгая дисциплина и соподчиненіе въ отношенія по охранѣ дома. Часто днемъ и ночью устраивались тревоги, чтобы приучить всѣхъ быстро занимать свои мѣста и дѣйствовать согласно предполагаемымъ формамъ нападенія. Неумѣющихъ обучали стрѣльбѣ въ цѣль изъ револьверовъ. Органомъ, рѣшающимъ всѣ главные вопросы протеста, общей тактики и дѣйствій въ отдѣльныхъ важныхъ случаяхъ, было общее собраніе всѣхъ участниковъ.

Исполнительнымъ органомъ была комиссія, на которую возлагалось веденіе текущихъ дѣлъ. Въ сомнительныхъ важныхъ случаяхъ, когда выяснялась необходимость круто измѣнить тактику и предпринять рѣшительныя дѣйствія, она была обязана предварительно созвать общее собраніе.

На ряду съ этой организаціей и дѣятельностью, направленной къ самооборонѣ, текла мирная жизнь «Романовки» и дѣятельность хозяйственная. И въ этой сферѣ было введено строгое раздѣленіе труда и очередныя дежурства.

Хозяйствомъ завѣдывали экономъ и повара, которымъ помогали дежурные по кухнѣ, на обязанности которыхъ было носить дрова, колоть ледъ, ставить самовары, раздавать обѣдъ и мыть посуду.

Для храненія провизіи—мяса, мороженнаго молока и запасовъ льда мы кухню превратили въ ледникъ, выбивъ тамъ нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Не помоги якутскіе 30—40-градусные морозы, мы не смогли-бы такъ долго продержаться на «Романовкѣ»,—лишь благодаря имъ возможно было сохранять провизію и «твердую воду». Ледъ мы очень берегли и, пока можно было выходить на дворъ, приносили для умыванія снѣгъ.

На 57 человѣкъ у насъ было 5 жилыхъ комнатъ, изъ которыхъ три побольше, а двѣ—совсѣмъ маленькія. Тѣснота страшная. Когда укладывались на полу спать всѣ, за исключеніемъ дежурныхъ, то негдѣ было пройти, даже ступить. И «разводящимъ» большого труда стоило чрезъ каждые два часа пробираться съ фонаремъ между спящими и выискивать свои жертвы—очередныхъ дежурныхъ. Спали, конечно, не раздѣваясь, на разостланныхъ на полу барнаулкахъ. Кончившіе дежурство ложились на мѣста смѣнившихъ ихъ товарищей. Женщины исполняли всѣ работы и дежурства наравнѣ съ мужчинами. Только больныхъ товарищей освобождали по возможности отъ ночныхъ дежурствъ и болѣе тяжелыхъ работъ.

Утромъ вставали рано. Начинаясь топка печей, умываніе, ставленіе самоваровъ. Выносились на дворъ помои, таскались дрова, снѣгъ.

Дежурные убирали комнаты, поскольку это вообще

можно было сдѣлать въ тѣснотѣ и сутолокѣ. Послѣ чаепитія охотники шли во дворъ гулять подѣ охраной 2—3 вооруженныхъ револьверами товарищей. Но эта предосторожность была почти излишней, такъ какъ «блокировавшіе» Романовку городовые и казаки держались въ почтительномъ отдаленіи отъ воротъ, во дворъ-же и въ нашемъ отсутствіи не заглядывали.

Только для шутки и разнообразія наши караульные иногда заводили препирательства съ городовыми и казаками. «Куда лѣзешь? Не подходи близко!»—говоритъ нашъ. «Мнѣ что,—меня поставили, я и стою!»—возражаетъ блокирующий. Нерѣдко велись и мирные разговоры. Вообще, отношенія были патріархальныя, ни тѣни воинственности.

Оставшіеся наверху товарищи внимательно слѣдили за окнами на улицу,—не пройдетъ-ли кто изъ своихъ, не будетъ-ли сигналовъ о положеніи дѣлъ въ городѣ, пріѣздѣ улусниковъ, намѣреніяхъ властей и т. п. Здѣсь работалъ нашъ беспроволочный телеграфъ, а внизу за это время принималась и отправлялась почта. Какъ разъ противъ воротъ Романовки, чрезъ улицу, жили двѣ политическихъ ссыльныхъ, у одной изъ которыхъ была прекрасная ѣздовая собака «Иголкинъ», вывезенная съ береговъ Ледовитаго океана участникомъ экспедиціи Толля. И вотъ гуляющіе на дворѣ товарищи должны были подманить «Иголкина», который обыкновенно сидѣлъ у своего крыльца.

Скоро «Иголкинъ» перебѣгалъ въ нашъ дворъ, увидя знакомыхъ, его уводили на лѣстницу, или въ домъ, отвязывали запрятанную въ густой шерсти записочку съ воли, кормили его карасями, привязывали ему на шею отвѣтную записку и выпроваживали домой.

Появленіе «Иголкина» вызывало большое волненіе. На крики «Иголкинъ!» «почта!» сбѣгались всѣ товарищи и полученные изъ города вѣсти тутъ-же прочитывались и обсуждались.

Благодаря этой умной собакѣ, мы имѣли возможность правильныхъ сношеній съ товарищами на волѣ за все время съ 18 февраля до 4 марта. И это спасало насъ отъ томительной неизвѣстности. Свободные отъ дежурствъ и обяза-

тельныхъ работъ товарищи проводили время за чтеніемъ, разговорами, шахматами. Нашъ художникъ рисовалъ, болѣе или менѣе удачно, профили кавказской группы участниковъ протеста и т. д.

Писались записочки и письма, въ надеждѣ переслать ихъ съ оказіей, друзьямъ на волѣ. Вообще, мирная сторона жизни «романовцевъ» постепенно сложилась въ опредѣленныя формы, по внѣшности напоминающія своеобразный тюремный режимъ, при бивуачномъ настроеніи добровольныхъ узниковъ.

Но этотъ заведенный порядокъ часто разнообразился непредвидѣнными событіями. Въ первые дни это были присоединенія новыхъ товарищей-протестантовъ изъ города и улусовъ. Ихъ появленіе вызывало бурный восторгъ и громадное оживленіе всѣхъ. 22 февраля наши дипломаты успѣшно закончили переговоры съ жившимъ на дворѣ якутомъ относительно того, чтобы намъ воспользоваться за соотвѣтственную плату его льдомъ и провизіей, сложенной въ амбарѣ. Благопріятный исходъ этихъ переговоровъ далъ намъ возможность существенно пополнить приходившіе къ концу запасы льда и мяса. Вечеромъ того-же дня мы рѣшили отправить въ городъ развѣдчикомъ одного изъ товарищей. Охотникомъ явился Миша Логовскій, мастерски выполнившій данное порученіе. Прибѣгли къ оригинальному средству выпроводить его незамѣченнымъ съ Романовки въ городъ. Изъ простынь сшили длинный саванъ, въ который закутался съ ногъ до головы Логовскій предъ выходомъ изъ воротъ. Его сопровождала цѣлая ватага нашихъ, которые, выйдя за ворота, подняли шумъ, затѣяли перебранку съ постовыми городовиками, сразу подняли на ноги всю «эскадру» и привлекли къ себѣ ея вниманіе.

А въ это время Логовскій шествовалъ на улицѣ мимо Романовки. Именно «шествовалъ», а не шелъ или бѣжалъ.

Была чудная зимняя ночь, полная луна заливала фантастическимъ свѣтомъ занесенные снѣгомъ дома и улицу. Мы наблюдали изъ оконъ. И вотъ на ярко освѣщенномъ бѣломъ фонѣ улицы двигалась какая-то тѣнь отъ невидимаго предмета—это шествовалъ, путаясь въ бѣломъ саванѣ, нашъ

Логовскій, какъ дѣйствительное привидѣніе, или «тѣнь отца Гамлета». Мимо него къ воротамъ бѣжали городовые и казаки, а онъ лишь присѣлъ на снѣгу въ одномъ мѣстѣ и скрылся невидимкой за угломъ, какъ только тѣ удалились.

Исполнивъ порученія, Логовскій въ ту-же ночь пытался обратно пробраться на Романовку, но его съ двумя товарищами задержали караульные и препроводили въ полицію. Ночью мы слышали тревогу при этой ловлѣ. Но Логовскій и тутъ сумѣлъ выкрутиться. Предварительно обрившись, онъ съ такой развязностью увѣрялъ полицеймейстера, своими глазами видѣвшаго его на Романовкѣ, что не былъ тамъ, что Березкинъ подъ конецъ даже смутился и, извинившись за безпокойство, отпустилъ его. На слѣдующій день подъ вечеръ мы изъ оконъ любовались, какъ нашъ Логовскій на своемъ «Копчикѣ», безъ сѣдла, мчался бѣшенымъ галопомъ во дворъ Романовки на глазахъ оторопѣвшихъ караульныхъ. Онъ стрѣлой влетѣлъ на дворъ, предъ нимъ распахнулась входная дверь, онъ моментально былъ окруженъ товарищами, шумно выражавшими свой восторгъ ловкости «Копчика»;—такъ прозвали Логовскаго послѣ этой вылазки. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ часовой у слухового окна былъ невидимымъ свидѣтелемъ такой сценки: одинъ караульный говоритъ другому: «ты что его не задержалъ?» «Какой чортъ его задержитъ», отвѣчаетъ тотъ,— «пролетѣлъ, какъ пуля!»

Логовскій сообщилъ намъ городскіе новости и слухи. Между прочимъ, отъ него мы узнали глубоко-комичный фактъ похищенія полицейскимъ надзирателемъ Олесовымъ негодной пушки съ Громовскаго парохода «Лена». Онъ пробовалъ стрѣлять изъ нея за городомъ и серьезно хотѣлъ воспользоваться ею для разстрѣла «Романовки» съ монастырской стѣны.

Узнали мы и о предположеніи властей подвергнуть насъ ружейному обстрѣлу съ монастырской колокольни.

Противъ коварнаго замысла Олесова мы, конечно, заранѣе пасовали, только на грѣхъ пушка не стрѣляла. Плану обстрѣла насъ солдатами съ колокольни монастыря мы плохо довѣряли, все еще оставаясь при убѣжденіи, что

насъ возьмутъ приступомъ. Но, какъ-бы въ подтвержденіе слуха, съ 24 марта за монастырской стѣной появились солдаты, и намъ изъ оконъ были видны ихъ воинскія упражненія. Поэтому, на всякій случай, мы рѣшили блиндировать уголь дома, обращенный къ монастырю. Для этого вдоль наружныхъ стѣнъ, на разстояніи $\frac{3}{4}$ аршина отъ нихъ, была сдѣлана загородка высотой до подоконниковъ, и образовавшееся пространство заполнено плотно уложенными листовничными полѣньями. Такъ постепенно видоизмѣнялись формы нашей самообороны въ зависимости отъ предполагаемаго измѣненія образа дѣйствій нападающей стороны.

О внесеніи комическаго элемента въ событія этихъ дней позаботился одинъ изъ политическихъ ссыльныхъ.—Онъ не участвовалъ въ протестѣ, но изъ сочувствія нашему дѣлу нѣсколько разъ пробирался на Романовку съ новыми извѣстіями, письмами и другими порученіями. Однажды его поймали городовые, но онъ ловкимъ движеніемъ выхватилъ у одного изъ нихъ шашку и началъ размахивать ею. Тѣ опѣшили, а въ это время уже подоспѣли наши, возвратили шашку сконфуженному городовому и безпрепятственно увели на «Романовку». Въ послѣдній разъ онъ явился уже послѣ удачной вылазки Логовскаго, за которую городовые и казаки получили отъ начальства нагоняй. Имъ строго-на-строго было приказано не пропускать больше извозчиковъ и верховыхъ по улицѣ, ведущей къ «Романовкѣ». И цѣлые дни «наши охранители» заворачивали оглобли бѣднымъ якутамъ—возчикамъ дровъ, мяса и льда съ Лены.

Вдругъ мы видимъ, какъ среди бѣла дня мчится на извозчикѣ товарищъ К. и прямо къ нашему дому. За нимъ съ разныхъ концовъ улицы бѣгутъ городовые и казаки. Онъ ловко соскакиваетъ у воротъ «Романовки» и подбѣгаетъ къ крыльцу. За нимъ врываются и нѣсколько челоувѣкъ караульныхъ. Одинъ изъ нихъ—казачій сотникъ выхватываетъ револьверъ и наводитъ его на К., а тотъ при этомъ становится въ неописуемо-комичную, вызывающую позу и таинственно держитъ руку въ оттопыренномъ карманѣ. Не даромъ К. былъ до ссылки провинціальнымъ актеромъ,—его донкихотская фигура дышала въ этотъ моментъ

Это была демоверсия книги - Теплов П. Ф. История якутского протеста : (Дело "романовцев")

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34